
6% ЗЛА

СИНДРОМ ВЫГОРЕВШЕГО МИРА

НИКОЛАС ВЕБЕР

Шесть процентов зла. Синдром выгоревшего мира

Николас Вебер

Данное издание представляет собой аналитическую работу, основанную на открытых источниках, включая опубликованные документы, судебные акты, публичные заявления, сообщения СМИ, научные публикации и иные материалы, доступные на момент подготовки текста. Автор не ставит целью унижение чести, достоинства или деловой репутации каких-либо лиц и организаций.

Оглавление

Глава 1. Социальный психопатогенез

Глава 2. Как заразить общество паранойей

Глава 3. Стать тем, с кем борешься

Глава 4. Путь к исцелению общества

Источники

Глава 1. Социальный психопатогенез

Каждый день современный человек совершает один и тот же безмолвный ритуал: он просыпается, всматривается в экраны своих цифровых устройств, сталкивается с потоком новостей и социальных взаимодействий и ощущает, как где-то глубоко внутри пробегает едва заметная, но леденящая душу трещина. Это чувство трудно облечь в простые слова, поскольку оно сопротивляется привычным языковым категориям. Это похоже на неясное, но настойчивое ощущение глубокого абсурда, происходящего вокруг. Человек видит, как очевидная ложь провозглашается истиной, как институты, созданные для защиты жизни и достоинства, превращаются в механизмы подавления, как агрессия маскируется под миротворчество, а откровенная глупость и жестокость превозносятся как высшая мудрость и добродетель.

Самое парадоксальное в этом опыте заключается в том, что окружающее общество — коллеги по работе, лидеры мнений, медийные платформы и даже близкие люди — с поразительным спокойствием требуют от индивида признать этот абсурд «новым стандартом». Возникает когнитивный диссонанс, раскалывающий психику надвое. С одной стороны, внутренний компас, основанный на базовой человеческой эмпатии, здравом смысле и накопленном поколениями моральном опыте, кричит о том, что мир сошел с ума. С другой стороны, мощное социальное давление настойчиво внушает, что безумен как раз сам сомневающийся, а происходящее вокруг — это единственно возможная, правильная и здоровая реальность.

В таких условиях повседневная жизнь превращается в непрекращающуюся борьбу за сохранение собственного рассудка. Проявлением этой скрытой борьбы становится синдром эмоционального выгорания, который сегодня охватил мегаполисы. Подлинная причина этого выгорания лежит вовсе не в избытке рабочих часов или недостатке сна, а в колоссальном количестве психической энергии, которую человек тратит на поддержание иллюзии нормальности. Корпоративная культура, пропитанная цинизмом, требует от сотрудников не просто выполнения обязанностей, а соучастия в ритуалах лояльности, где каждый понимает фальшь происходящего, но обязан улыбаться и транслировать бессмысленные лозунги. Этот корпоративный цинизм

медленно разъедает личность. Социальная поляризация, ставшая визитной карточкой нашей эпохи, лишь усугубляет этот процесс, лишая человека безопасного пространства для диалога. Любое сомнение в правильности навязанного курса трактуется обществом не как интеллектуальный поиск, а как предательство, что заставляет людей прятаться в коконы молчания или, напротив, демонстрировать напускную, истерическую приверженность доминирующим трендам. Естественно, чтобы выжить в такой токсичной макросоциальной среде, здоровый человек вынужден прибегать к социальной трансформации. Этот процесс напоминает биологическую адаптацию организмов, вынужденных маскироваться под ядовитые растения или хищников, чтобы не быть съеденными. Индивид начинает постепенно перенимать паттерны поведения, транслируемые обществом: он учится эмоциональной холодности, развивает в себе расчетливый скептицизм, привыкает игнорировать страдания других и подавлять в себе спонтанные вспышки сочувствия. Вначале это кажется лишь временной защитной маской, надеваемой при входе в публичное пространство и снимаемой дома. Однако психология человека устроена так, что маска, которую носят слишком долго и часто, постепенно может прирасти к лицу. Изменяются внутренние установки человека: нейронные связи, отвечающие за эмпатию и критическое осмысление, бездействуют и атрофируются, в то время как конформистские и приспособленческие модели укрепляются. Здоровый индивид, сам того не замечая, становится носителем и транслятором той самой социальной деформации, от которой изначально пытался защититься.

Глубокое ощущение «неправильности» и абсурдности окружающего мира — это не признак вашей личной болезни, слабости или депрессии. Напротив, это самый надежный, самый объективный показатель вашего ментального здоровья. Это сопротивление психологического иммунитета, который отказывается принимать яд за питательную среду. Когда общество систематически сходит с ума, единственной здоровой реакцией здоровой психики становится глубокое беспокойство. Психиатр Джидду Кришнамурти некогда точно заметил, что хорошая приспособленность к глубоко больному обществу не является признаком психического здоровья. Ваша боль — это доказательство того, что ваше человеческое начало еще живо, что ваш внутренний

компас не сломан, несмотря на колоссальное поле лжи, пытающееся развернуть его стрелку в противоположную сторону.

Как случилось так, что девиация стала общественной нормой? Мы можем обратиться к научной дисциплине, которая на протяжении десятилетий оставалась практически неизвестной широкой публике, но сегодня приобретает пугающую актуальность. Речь идет о понерологии — строгом научном направлении, изучающем происхождение, генезис и структуру зла на макросоциальном уровне. Название этой науки происходит от древнегреческого слова *poneros*, что означает «зло» или «порочность». В отличие от классической теологии или традиционной философии, которые рассматривают зло как метафизическую категорию, абстрактный выбор человеческой воли или результат недостатка блага, понерология подходит к этому феномену с холодностью и методологической строгостью. Зло для понеролога — это не мистическое проклятие и не случайный сбой исторического процесса, а конкретный, поддающийся диагностике психопатологический процесс, протекающий в социальном организме и имеющий свои биологические предпосылки, переносчиков и законы массового распространения.

История возникновения понерологии сама по себе является захватывающей и трагической драмой, развернувшейся в середине двадцатого века за железным занавесом. Ее главным создателем стал польский клинический психолог и психиатр Анджей Лобачевский. Юность Лобачевского и его коллег пришлась на период, когда Польша оказалась зажата между жерновами двух самых страшных тоталитарных режимов в истории человечества: нацистской оккупации и последующего установления сталинского коммунистического режима. Работая в психиатрических клиниках и университетах, Лобачевский и небольшая группа его коллег-единомышленников заметили поразительную закономерность. С приходом к власти диктаторских сил структура общественных институтов начала стремительно меняться, причем эти изменения носили характер, до боли напоминающий процессы, происходящие в мозге пациента, страдающего от прогрессирующего дегенеративного заболевания. Психиатры увидели, что на ключевые посты в государстве, образовании, культуре и медицине стали массово приходить люди, чьи клинические портреты были им прекрасно знакомы по историям болезней: индивиды с полным отсутствием эмпатии, патологические лжецы,

нарциссы и агрессивные психопаты. Поняв, что они стали свидетелями грандиозного социального эксперимента по захвату власти психологическими девиантами, польские ученые приняли решение начать тайное исследование. Они работали в условиях строжайшей конспирации, понимая, что разоблачение органами государственной безопасности будет означать для них немедленную смерть или медленную гибель в лагерях. Они собирали данные, проводили тайные клинические интервью, анализировали структуру пропаганды и особенности мышления новых советских функционеров. Это была подпольная наука, развивавшаяся в тени постоянного страха.

Судьба результатов этого титанического труда оказалась трагичной. Первая полная рукопись книги, обобщающая многолетние исследования целой группы польских, венгерских и чехословацких ученых, была сожжена самим Лобачевским за несколько минут до того, как в его квартиру ворвались с обыском сотрудники польской службы безопасности. Ученый успел бросить листы в печь, сохранив жизнь себе и своим коллегам, но потеряв годы уникальной научной работы. Не сдаваясь, Лобачевский начал восстанавливать труд заново. Вторая копия рукописи была во второй половине двадцатого века тайно переправлена через посредников в Ватикан, где, как надеялся ученый, она будет в безопасности и сможет дойти до западных интеллектуалов. Однако эта копия бесследно исчезла в лабиринтах церковных архивов; Лобачевский подозревал, что там были свои агенты влияния и там, и труд был сознательно уничтожен или глубоко спрятан.

Лишь в конце 1970-х годов, будучи уже пожилым человеком, Лобачевский сумел эмигрировать в Соединенные Штаты Америки. Находясь в глубокой изоляции, испытывая финансовые трудности и сталкиваясь с полным непониманием западной академической среды, которая в те годы пребывала в плену левых иллюзий и не хотела слушать клиническую правду о природе восточноевропейского тоталитаризма, он в третий раз воссоздал книгу по памяти. Этот труд, озаглавленный «Политическая понерология», увидел свет в 1980-х годах и стал памятником мужеству ученых, отдавших жизни ради того, чтобы человечество получило его.

Главный методологический прорыв понерологии Лобачевского заключается в полном отказе от морализаторства и этических оценок. Когда мы используем в отношении политических лидеров или исторических событий эмоционально

окрашенные слова вроде «злодей», «тиран» или «монстр», мы невольно остаемся в рамках обывательского, ненаучного дискурса. Эти ярлыки бессильны, так как они не объясняют механизмов происходящего и легко обращаются пропагандой против самих обвинителей. Понерология заменяет моральные категории клиническими и психологическими терминами. Вместо того чтобы проклинать болезнь, понеролог изучает ее патогенез. Он исследует биологические, неврологические и генетические предпосылки возникновения личностных расстройств, таких как первичная психопатия, нарциссическое расстройство, характеропатия и паранойальное расстройство личности.

Изучая, как эти индивидуальные отклонения взаимодействуют друг с другом, как они находят питательную среду в социальных кризисах и как они постепенно заражают здоровые слои населения через суггестивные механизмы, понерология дает нам строгое, деполитизированное знание. Это знание лишает патологические системы их главного оружия — способности маскироваться под великие идеи, историческую необходимость или защиту общественного блага. Понерологический анализ срывает с безумия одежды государственной мудрости, показывая, что за величественными фасадами тиранических идеологий скрывается банальная, клинически объяснимая динамика нелеченых расстройств личности.

Центральным понятием, введенным Анджеем Лобачевским для описания предельной стадии вырождения общества, является концепция патократии. Патократия — это не просто плохая, коррумпированная или жестокая форма правления. Это специфическая социальная система, в которой психологически аномальное меньшинство захватывает контроль над обществом здоровых людей. В патократии нормальные законы человеческого общежития, основанные на эмпатии, взаимном доверии, справедливости и логике, оказываются полностью вывернутыми наизнанку. То, что в здоровом обществе считается девиацией и препятствием для социального роста — бессовестность, склонность к манипуляциям, отсутствие чувства вины, эмоциональная глухота — в условиях патократии становится главным залогом успешной карьеры и выживания. И наоборот, честность, эмпатия, приверженность фактам и критическое мышление маргинализируются, объявляются слабостью, глупостью или даже психическим расстройством.

Процесс перерождения здорового общества в патократическое никогда не происходит мгновенно; это многоступенчатая, растянутая во времени эволюция социального психопатогенеза. Согласно Лобачевскому, этот процесс проходит три ключевые стадии. Все начинается на первом этапе, когда в недрах общества зарождается девиантная идеология. Как правило, создателями таких идеологий выступают шизоидные личности. Обладая высоким уровнем интеллекта и способностью к жесткой теоретической систематизации, шизоиды при этом фатально лишены эмоционального резонанса, интуитивного понимания человеческой природы и живой эмпатии. Они конструируют кабинетные, идеально симметричные социальные утопии, которые выглядят логически безупречно на бумаге, но совершенно не учитывают реальные человеческие потребности, чувства и свободу. Эти теории всегда носят догматический, черно-белый характер и требуют принесения живых людей в жертву абстрактным концепциям.

На втором этапе эти девиантные идеи выходят из тиши кабинетов и начинают популяризоваться так называемыми характеропатами. Характеропатия — это собирательный термин для обозначения лиц с приобретенными повреждениями головного мозга (вследствие травм, инфекций или тяжелых родов) или глубокими расстройствами характера. Характеропаты отличаются повышенной агрессивностью, жесткостью мышления, фанатичной убежденностью в собственной правоте и полной неспособностью к самокритике. Они берут шизоидную идеологию и превращают ее в агрессивный политический таран. Обладая специфической, болезненной харизмой и огромным запасом деструктивной энергии, они начинают активно транслировать эти идеи в массы. Их упрощенные, параноидальные объяснения сложных социальных проблем («во всем виноваты внутренние враги», «нужно просто уничтожить определенную группу людей, и наступит счастье») находят живой отклик у маргинализированных и фрустрированных слоев населения.

На третьем, финальном этапе происходит самое страшное: на волне созданного характеропатами хаоса власть в государстве захватывают первичные психопаты. Это люди, имеющие врожденную, биологически обусловленную аномалию эмоционально-волевой сферы. Их мозг физически устроен иначе: у них снижена активность областей, отвечающих за сопереживание и страх, они не способны испытывать глубокую

привязанность, вину или раскаяние. Они являются абсолютными социальными хищниками. В обычных условиях они составляют около половины процента населения и часто маргинализируются или оказываются в местах лишения свободы. Но в периоды глубокого социального кризиса их хладнокровие, абсолютная готовность идти по головам, виртуозное умение лгать и манипулировать позволяют им быстро подняться на вершину социальной пирамиды. Как только первичные психопаты захватывают ключевые институты власти, они начинают перестраивать всю систему под себя. Они убирают из управления моральных профессионалов, заменяя их подобными себе девиантами, и превращают государственную машину в инструмент воспроизводства психопатии.

Важнейшим инструментом поддержания патократии является создание специфического кодированного языка, который Лобачевский назвал пара-ньюспиком, а Джордж Оруэлл в своем художественном анализе окрестил двоемыслием. В этой языковой системе все ключевые понятия переворачиваются. Слово «мир» используется для оправдания захватнических войн, «свобода» означает абсолютное подчинение воле лидера, «справедливость» сводится к внесудебным расправам, а «забота о гражданах» проявляется в контроле и лишении их базовых прав. Этот язык не предназначен для передачи информации; его цель — разрушить способность человека к логическому мышлению и критическому анализу. Постоянно слыша эти искаженные понятия из всех средств информации, нормальный человек теряет ментальные ориентиры. Его мозг, перегруженный противоречивыми сигналами, сдается и принимает навязанную картину мира просто ради того, чтобы прекратить изнуряющий внутренний конфликт.

В основе устойчивости патократии лежит строгая статистическая модель, детально описанная Лобачевским. На основе клинических наблюдений он пришел к выводу, что примерно шесть процентов населения любой страны имеют врожденную или приобретенную психологическую уязвимость, которая делает их чрезвычайно восприимчивыми к суггестивному влиянию психопатов. Это люди с пограничными расстройствами личности, субклиническими формами девиаций или просто с крайне низким уровнем рефлексии и недоразвитой моральной сферой. В здоровом обществе они вынуждены сдерживать свои деструктивные импульсы под давлением общественной морали и законов. Однако при патократии эти шесть процентов первыми

откликаются на призыв патологических лидеров. Они получают долгожданную возможность легитимизировать свою внутреннюю жестокость и зависть, занимая посты надсмотрщиков, доносчиков, мелких бюрократов и пропагандистов. Они становятся активной социальной опорой режима, его «руками» на местах. Становясь проводниками воли психопатов, эти шесть процентов деформируют социальную среду настолько глубоко, что остальные девяносто четыре процента населения — нормальные, эмпатичные люди — оказываются парализованы страхом и дезориентированы. Они вынуждены подчиниться, так как все ориентиры нормальности в обществе оказываются стерты.

Для того чтобы понять, почему современный мир так часто кажется безумным, необходимо отказаться от иллюзии, будто на вершины власти и финансового успеха поднимаются самые мудрые, нравственные и достойные представители человечества. Современная цивилизация, несмотря на все свои заявления о гуманизме и демократии, выстроила социальные лифты таким образом, что они осуществляют жесткий обратный отбор. Системы государственного управления, транснациональные корпорации и глобальные финансовые рынки обладают свойством притягивать к себе людей, лишенных совести, и безжалостно отторгать тех, кто наделен развитой эмпатией и моральной ответственностью. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться не к умозрительным философским теориям, а к сухим, верифицированным данным современных эмпирических исследований.

Статистика распространенности клинической психопатии в общей популяции на протяжении десятилетий остается стабильной и составляет, по разным оценкам, от половины процента до одного целого двух десятых процента (в среднем — около одного процента). Это означает, что в обычном вагоне метро или на городской площади вы вряд ли встретите больше одного клинического психопата на сто человек. Однако картина радикально меняется, как только мы начинаем подниматься по ступеням социальной и корпоративной иерархии. Исследования показывают, что среди менеджеров среднего звена распространенность выраженных психопатических черт возрастает до трех целых девяти десятых — пяти целых семидесяти шести сотых процента. Это уже почти в пять раз выше популяционной нормы. Если же мы заглянем в элитные секторы глобальных финансов — туда, где совершаются миллиардные сделки, осуществляются враждебные

поглощения компаний и принимаются решения, определяющие экономические судьбы целых стран — мы обнаружим, что доля людей с психопатическими чертами достигает там двенадцати процентов.

Наконец, на самой вершине этой пирамиды — среди высших руководителей крупнейших мировых корпораций (Chief Executive Officers, или CEO) — этот показатель взлетает до шокирующих двадцати одного процента. Каждый пятый руководитель высшего звена является клиническим психопатом. Эта цифра абсолютно идентична показателю, который диагностируется среди заключенных в тюрьмах строгого режима. Разница между ними заключается лишь в том, что тюремные психопаты оказались недостаточно интеллектуальны или импульсивны и нарушили уголовный кодекс, в то время как корпоративные психопаты сумели узаконить свои деструктивные наклонности, направив их в русло агрессивного ведения бизнеса и безжалостной конкуренции.

Этот феномен прекрасно объясняется концепцией бесстрашного доминирования, разработанной известным психологом из Оксфордского университета доктором Кевинем Даттоном. В ходе своих масштабных исследований политических и деловых лидеров Даттон обнаружил, что определенные черты, входящие в клинический портрет психопата — такие как социальное влияние, хладнокровие под давлением, бесстрашие, готовность идти на огромный риск и способность принимать жесткие решения без оглядки на чувства других людей — крайне высоко ценятся в современных иерархических структурах.

В условиях кризиса, когда обычный человек испытывает страх, сомнения и парализующую ответственность за судьбы подчиненных, психопат чувствует себя как рыба в воде. Его мозг просто не генерирует сигналы тревоги в ответ на угрозу. Это позволяет ему сохранять абсолютное внешнее спокойствие и уверенность, которые окружающие ошибочно принимают за признаки выдающихся лидерских качеств, харизмы и внутренней силы. Однако за этой маской величия скрывается не сила духа, а биологический дефект — отсутствие способности сопереживать чужой боли и чувствовать личную ответственность. В современной политической психологии для описания структуры личности таких лидеров используется концепция Темной триады, включающая в себя нарциссизм, макиавеллизм и психопатию. В последнее время

исследователи все чаще говорят о Темной тетраде, добавляя к этому списку субклинический садизм — способность получать глубокое внутреннее удовлетворение от унижения и страданий других людей. Нарциссизм дает такому лидеру непоколебимую веру в собственную исключительность, мессианство и право стоять выше любых законов и моральных норм. Макиавеллизм вооружает его абсолютным цинизмом, способностью виртуозно манипулировать людьми, использовать их как расходный материал и плести сложнейшие интриги ради сохранения власти. Психопатия обеспечивает полное отсутствие совести, эмпатии и страха перед последствиями своих действий. Садистический компонент заставляет его наслаждаться процессом подавления и разрушения чужих жизней. Когда эти четыре элемента соединяются в характере человека, находящегося у руля государственной машины или глобальной корпорации, запускается механизм уничтожения нормальности. Происходит обратный отбор.

Лидер с Темной тетрадой физиологически не способен выносить рядом с собой людей, обладающих независимостью мышления, сильным моральным стержнем и способностью указывать на его ошибки. Такие сотрудники вызывают у него параноидальный страх разоблачения и глубокую личную неприязнь. Сформировавшийся порядок начинает целенаправленно выдавливать эмпатичных, честных и компетентных профессионалов на всех уровнях. Их место занимают циничные оппортунисты, готовые выполнить любой, даже самый безумный и жестокий приказ, и такие же носители психопатических черт, которые видят в новой конфигурации власти идеальный шанс для реализации собственных деструктивных амбиций. В результате вся структура управления превращается в закрытую, самовоспроизводящуюся экосистему безжалостности, где отсутствие совести становится главным критерием профпригодности.

Когда психопатологическая группа захватывает вершины социальной пирамиды, дегенеративные процессы не остаются запертыми в кабинетах правительственных зданий или залах заседаний советов директоров. Социальный организм устроен так, что любые паттерны поведения, транслируемые элитой, неизбежно начинают просачиваться вниз, отравляя все слои общества и вызывая то, что Анджей Лобачевский назвал эпидемией психопатологии. Это явление по своему масштабу и разрушительным

последствиям превосходит самые страшные биологические пандемии, которая калечит моральные ориентиры и заставляет миллионы изначально здоровых людей принимать нестандартные модели мышления и поведения за единственную норму. Наш мозг оснащен мощной системой зеркальных нейронов, которые заставляют нас бессознательно копировать мимику, жесты, эмоциональные реакции и когнитивные паттерны тех, кто обладает высоким социальным статусом.

Когда лидеры государства или крупные медийные фигуры открыто демонстрируют черты Темной триады — транслируют нарциссическое величие, используют макиавеллистскую ложь как обычный инструмент коммуникации, проявляют психопатическую жестокость и глумятся над базовыми человеческими ценностями — общество получает мощнейший невербальный сигнал: «Именно так нужно себя вести, чтобы преуспеть и выжить». Здоровое большинство, лишенное твердых внутренних ориентиров или ослабленное социальными кризисами, начинает зеркально отражать эти установки. Человек поддается психологической индукции, перенимая искаженную логику и восприятие реальности у своих правителей.

Первым следствием этой эпидемии становится стремительное вытеснение эмпатичных и моральных профессионалов из всех сфер общественной жизни. В условиях, когда критерии оценки смещаются с реальной компетентности и этичности на слепую лояльность и готовность соучаствовать в деструктивных практиках, честные люди оказываются перед невыносимым моральным выбором. Они либо добровольно уходят в глубокую внутреннюю эмиграцию, покидая свои посты в образовании, медицине, правосудии и государственном аппарате, либо уничтожаются профессионально и социально. Их места немедленно занимают безжалостные функционеры. Эти люди не обязательно являются врожденными психопатами; часто это обычные конформисты, у которых под влиянием среды атрофировалась совесть. Они мыслят исключительно категориями личной выгоды, инструкций и лояльности руководству. Лишенные способности сопереживать и самостоятельно оценивать этичность своих действий, такие функционеры становятся идеальными исполнителями, способными без малейших колебаний подписывать указы о репрессиях, фальсифицировать статистику, разрушать судьбы коллег или транслировать самую чудовищную ложь.

Для удержания своей власти политики с Темной триадой используют макиавеллизм в качестве главного катализатора аффективной поляризации общества. Они понимают, что солидарное, объединенное общими моральными ценностями общество смертельно опасно для патократии, так как оно быстро распознает нездоровый характер власти и отторгнет ее. Поэтому их главная стратегия — разделять и властвовать. Они начинают целенаправленно вбивать клинья в социальную основу, используя любые существующие различия: социальные, национальные, религиозные, культурные или поколенческие. Пропагандистская машина, контролируемая патократами, начинает работать в режиме круглосуточного излучения ненависти и страха. Она конструирует враждебную картину мира, в которой общество находится в кольце смертельных врагов, а любой, кто выражает малейшее сомнение в правильности курса лидеров, объявляется национальным предателем, агентом влияния или безумцем. Эта примитивная, бинарная логика («мы против них», «кто не с нами, тот против нас») апеллирует к самым древним, лимбическим структурам человеческого мозга, полностью отключая неокортекс, отвечающий за логику и эмпатию.

Общество погружается в состояние индуцированного психоза. Люди начинают видеть врагов в своих коллегах, соседях и даже членах собственных семей. Разрушаются многолетние дружеские связи, рушатся браки, исчезает элементарное доверие в повседневных взаимодействиях. На улицах городов расцветает агрессия: в поведении водителей на дорогах, в очередях, в комментариях под публикациями в социальных сетях сквозит глухая, иррациональная злоба. Это не случайный упадок нравов и не следствие экономического кризиса. Есть те, кто сознательно отравляют разум граждан ненавистью к ближнему, чтобы они тратили свои силы на взаимное уничтожение и не успевали заметить тех, кто держит в руках шприц с ядом и направляет этот коллективный кошмар.

Самая опасная и иезуитская особенность патократической системы заключается в ее феноменальной способности к маскировке. Будучи по своей сути глубоко деструктивной, античеловеческой структурой, она никогда не заявляет о своих истинных целях открыто. Её представители не могут сказать обществу: «Мы захватили власть, потому что мы психопаты, у нас нет совести, и мы хотим грабить вас, контролировать ваш разум и наслаждаться вашим страхом». Напротив, они вынуждены драпироваться

в самые благородные, священные для человечества одежды. Они всегда выступают под маской абсолютного спасителя общества, защитника традиционных ценностей, гаранта стабильности, чистоты морали и национальной безопасности. Одним из наиболее показательных примеров такой маскировки в современном мире является антикультизм.

Здесь важно обратиться к фундаментальному психиатрическому механизму проекции. Проекция — это защитный механизм психики, при котором субъект полностью вытесняет свои собственные теневые, деструктивные и неприемлемые качества, но при этом с маниакальной настойчивостью начинает приписывать их окружающим и яростно с ними бороться. Испытывая подсознательный страх перед разоблачением своей настоящей природы, эта гигантская сеть включает механизм проекции. Представители антикультизма начинают искать врагов, обвиняя в «культизме», «сектантстве» и «деструктивном влиянии» любые здоровые, автономные сообщества, которые пытаются сохранить интеллектуальную независимость, занимаются духовным поиском, создают альтернативные образовательные проекты или просто объединяются для взаимопомощи вне рамок государственного контроля. Антикультизм становится идеальным административным и идеологическим оружием в руках патократов. С его помощью решаются сразу несколько важнейших задач.

Во-первых, антикультистская риторика позволяет полностью санкционировать и криминализировать инакомыслие. Если объявить группу ученых, изучающих альтернативные подходы к психотерапии, или сообщество людей, практикующих медитацию, «опасной тоталитарной сектой», то для их преследования больше не нужны сложные юридические доказательства. Общество, напуганное страшными историями о «промыывании мозгов» и «разрушении семей», само потребует от государства применить к этим людям самые жесткие карательные меры. Во-вторых, этот механизм позволяет направлять агрессию дезориентированных масс на удобного внутреннего врага. Вместо того чтобы задавать вопросы о причинах разрушения экономики, росте коррупции или безумии внешнеполитического курса, обыватели начинают с упоением искать «сектантов» среди своих коллег и знакомых, чувствуя себя при этом активными участниками защиты общества.

В-третьих, преследование независимых групп разрушает горизонтальные связи между людьми. Патократия панически боится доверия между гражданами, так как именно на доверии строится любая способность к совместному сопротивлению. Запугивая людей ужасами «деструктивных культов», антикультовые представители заставляют их с подозрением относиться к любым формам неформального общения и искать защиты у самой государственной машины, замыкая все социальные связи на себя.

Инструментарий антикультизма строится на манипулятивных техниках и откровенных логических подменах. Пропагандисты этого движения используют псевдонаучные термины вроде «деструктивного контроля сознания», которые не признаются академическим психологическим сообществом, но звучат крайне убедительно для неспециалистов. Они создают атмосферу моральной паники, используя вырванные из контекста факты, прямую ложь и эмоционально заряженные образы. При этом сами профессиональные антикультисты и «борцы за ментальную чистоту общества» демонстрируют при ближайшем клиническом рассмотрении классические черты Темной триады. Это люди с непомерным нарциссическим эго, компенсирующие собственные комплексы за счет публичного унижения и преследования других, макиавеллистские манипуляторы, зарабатывающие на страхе граждан политический капитал и финансовые гранты, а зачастую и откровенные садисты, получающие удовольствие от разрушения чужих жизней и репутаций под аплодисменты толпы.

Анджей Лобачевский в своей работе «Политическая понерология» оставил человечеству важнейшее предостережение, которое звучит сегодня как никогда актуально. Он призывал к необходимости проведения строгого клинического скрининга и психологической оценки самих этих «спасителей общества», борцов с сектами и ревнителей общественной морали. Методы, которые они используют — разжигание ненависти, травля в средствах массовой информации, призывы к запретам и репрессиям, использование лжи и подтасовок — безошибочно выдают в них носителей той самой психопатологии, от которой они якобы защищают граждан. Истинная ментальная гигиена общества начинается не с поиска «внутренних врагов» и запрета

альтернативных мнений, а с понимания клинической природы тех, кто эти запреты навязывает.

Глава 2. Как заразить общество паранойей

Одним из самых эффективных средств защиты от этого индуцированного безумия является знание. Трезвый, деполитизированный клинический анализ механизмов понерогенеза, структуры патократии и манипулятивных масок, подобных антикультизму, лишает их главного ресурса — нашей слепоты и страха. Подлинное сопротивление начинается в тишине нашего собственного разума, который отказывается называть ложь правдой, а болезнь — здоровьем.

Для успешного угнетения многомиллионного общества патократия использует специфические психологические механизмы, детально описанные в рамках теории макросоциального формирования психоза. Центральное место в этой схеме занимает феномен индуцированного бреда, при котором бред, зародившийся в сознании одного или нескольких психически девиантных лидеров, передается здоровым людям, находящимся в тесной психологической зависимости от них или подвергающимся массированному информационному воздействию. В масштабах целого государства этот процесс приобретает характер ментального массового явления. Психологический фундамент данной индукции закладывается через целенаправленное разрушение базового доверия человека к миру, обществу и собственной способности воспринимать истину. Патократия стремится погрузить индивида в состояние выученной беспомощности, когда привычные логические связи рушатся, а традиционные источники информации оказываются дискредитированными. Конверсивное мышление, в свою очередь, блокирует способность человека к синтезу противоположных точек зрения и восприятию нюансов. Оно навязывает жестко расщепленную картину мира, в которой любая сложность объявляется враждебной уловкой. В результате здоровые люди начинают испытывать глубокую ментальную усталость, их способность к

рефлексии истощается, и они добровольно соглашаются принять упрощенную картину мира, предлагаемую патократическими лидерами, поскольку она дает им временное избавление от мучительной неопределенности.

Постепенно общество входит в так называемый гистероидальный цикл — исторический период, характеризующийся резким падением интеллектуального и морального уровня социума, ростом суеверий, поиском простых решений и фиксацией на угрозах. В этой фазе критическое мышление начинает восприниматься общественным большинством как опасная девиация, угрожающая коллективному выживанию. Индивидуальная идентичность полностью растворяется в коллективной идентичности напуганной толпы. Наступает фаза транссубъективной проекции, когда внутренний, глубоко подавленный страх и агрессия обывателей проецируются вовне, на назначенные мишени. Общество, зараженное индуцированной паранойей, начинает функционировать как единый организм, движимый иррациональным стремлением очистить себя от вымышленных источников опасности, запуская маховик непрекращающегося террора.

Важнейшим ретранслятором искаженных идей и главным конструктором индуцированной тревоги выступают подконтрольные медиаресурсы. Их функциональное назначение простирается далеко за пределы классической политической пропаганды или идеологического манипулирования. В рамках понерологического процесса медиа превращаются в высокотехнологичные экспериментальные площадки по конструированию образа всепроникающего, невидимого, но при этом очень опасного внутреннего врага. Традиционный враг в виде конкретного иностранного государства или четко очерченной политической группы перестает удовлетворять потребностям патократии, поскольку он слишком осязаем, понятен и его угроза поддается рациональной калькуляции. Для поддержания перманентного состояния экзистенциального ужаса требуется враг принципиально иного статуса — враг диффузный, невидимый, способный преображаться в обычного гражданина и проникать в самые интимные сферы человеческой жизни. Этот конструкт идеально воплощается в образе «тоталитарных сект», «деструктивных культов» или «нетрадиционных религиозных движений». В медийном дискурсе эти группы наделяются демоническими свойствами: способностью к мгновенному и необратимому

подчинению человеческой воли, использованию секретных психотехнологий «промывания мозгов», скрытому психологическому насилию и финансовому закабалению адептов. Враг изображается как коварный социокультурный вирус, который может поразить любого неподготовленного человека, вне зависимости от его образования, социального статуса или возраста. Медийная бомбардировка аудитории строится на принципах сенсационности, эмоционального перенасыщения и полного отказа от фактологической верификации. Зрителю и читателю непрерывно транслируются шокирующие сюжеты о разрушенных семьях, сошедших с ума адептах, тайных ритуалах и заговорах против государственности, где в качестве доказательств используются исключительно анонимные свидетельства, вырванные из контекста цитаты и псевдонаучные суждения ангажированных спикеров.

Психологические механизмы этой манипуляции укоренены в эволюционной биологии и глубинной психологии человека. Сталкиваясь с угрозой, природа которой неясна, а методы защиты неизвестны, человеческая психика регрессирует к архаичным, дорациональным паттернам поведения. В состоянии перманентной индуцированной тревоги у индивидов отключается неокортекс, ответственный за логический анализ, планирование и сомнение, и активизируется лимбическая система, требующая немедленного спасения любой ценой. На этом фоне между напуганным обществом и патократическим государством заключается негласный психологический контракт. Граждане, доведенные медийным террором до состояния невротического истощения, добровольно делегируют государству чрезвычайные полномочия, соглашаясь на ликвидацию гражданских свобод, введение жесткой цензуры, ограничение права на тайну частной жизни и преследование любых неформальных объединений в обмен на иллюзию защиты. Общество оказывается готовым пожертвовать базовыми правами человека — сначала обездоленных и уязвимых меньшинств, а затем и своими собственными — лишь бы получить обещание спасения от искусственно раздутой, фантомной угрозы.

Наиболее аморальным, психологически продуманным и разрушительным для социальной солидарности вектором этой деятельности является целенаправленная инструментализация родительского страха. Естественная, биологически обусловленная и эволюционно закрепленная тревога родителей за физическое и ментальное

благополучие своих детей превращается профессиональными антикультистами, сектоведами и обслуживающими их медиа-технологами в мощнейший инструмент запуска моральной паники. Моральная паника — это специфический социологический феномен, при котором общество охватывает коллективная истерия относительно угрозы, исходящей от определенной группы лиц или явления, причем масштаб этой угрозы многократно преувеличен по сравнению с реальным положением дел. Пугая отцов и матерей тем, что их дети могут стать жертвами таинственного «контроля сознания» со стороны религиозных или философских меньшинств, антикультисты переводят любые естественные внутрисемейные конфликты, трудности подросткового возраста, кризисы идентичности и проблемы социализации молодых людей в плоскость внешнего деструктивного влияния. Это позволяет родителям снять с себя психологическую ответственность за непонимание и отчуждение в отношениях с детьми, перенаправив накопившуюся фрустрацию и агрессию на внешнюю мишень — малые религиозные или духовные группы, которые клеймятся как виновники семейных трагедий. Процесс понерогенеза, проходя через стадии индивидуального диагностирования и медийного индуцирования массовой паранойи, неизбежно требует институционального закрепления. Без прямой инфильтрации девиантных элит в государственные органы, обладающие монополией на легитимное насилие, патократия остается нестабильной структурой, уязвимой для восстановления здоровых социальных механизмов. На этом этапе ключевым вектором активности патократических сил становится планомерное проникновение в министерства юстиции, судебные органы, правоохранительные структуры и специальные службы. В качестве основного тарана для разрушения правовых барьеров используются специализированные союзы вторичного типа, искусно маскирующиеся под экспертные советы, научно-исследовательские ассоциации, правозащитные комитеты или просветительские центры.

Эти структуры, яркими представителями которых на международной арене стали Европейская федерация центров по исследованиям и информации о сектантстве (FECRIS), во Франции — Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями (MIVILUDES), а в Российской Федерации — Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) и разнообразные

деструктологические центры, функционируют по классическим законам понерологии. Их внутреннее устройство характеризуется жесткой авторитарной иерархией, полным отсутствием внутренней демократии и критической рефлексии, а также непререкаемым авторитетом лидера, чьи личностные особенности определяют идеологический контент всей организации. Лица, возглавляющие данные ассоциации, как правило, демонстрируют клиническую картину параноидной акцентуации характера или психопатии, выражающуюся в фанатичной убежденности в собственной мессианской роли, склонности к конструированию конспирологических теорий заговора и глубоком дефиците эмпатии к тем, кто не разделяет их убеждений.

Для успешной инфильтрации в государственный аппарат эти союзы используют стратегию «взаимовыгодного симбиоза». Они предлагают государственным чиновникам и силовым ведомствам простые, понятные и репрессивные по своей сути решения сложных социокультурных проблем. В условиях, когда государственная бюрократия испытывает дефицит легитимности или стремится к расширению своих контролирующих функций, услуги антикультистских экспертов оказываются чрезвычайно востребованными. Во Франции этот процесс привел к уникальному явлению — прямой государственной институционализации через создание MIVILUDES. Эта структура, встроенная непосредственно в вертикаль исполнительной власти при Министерстве внутренних дел Франции, фактически легализовала псевдонаучную категорию «сектантских отклонений» (*dérives sectaires*). С помощью этого размытого, лишённого строгих юридических критериев термина MIVILUDES получила возможность стигматизировать практически любую неформальную группу граждан — от альтернативных медицинских практик и психологических тренингов до малых религиозных общин. Через систему регулярных годовых докладов, лоббирование законодательных инициатив и проведение обучающих семинаров для судей, прокуроров и сотрудников полиции, MIVILUDES подчинила своей логике деятельность правоохранительной системы Франции, превратившись в ключевой узел государственного понерогенеза.

В Российской Федерации инфильтрация понерогенных элементов носила еще более радикальный и разрушительный характер, ознаменовавшись фактическим слиянием радикального антикультизма с репрессивным аппаратом государства. РАЦИРС

во главе с Александром Дворкиным и аффилированные с ней структуры осуществили глубокое проникновение в Министерство юстиции РФ, судебные инстанции всех уровней и органы государственной безопасности. Ключевым этапом этой инфильтрации стало создание в две тысячи девятом году Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, руководство которым было передано непосредственно Дворкину. Этот шаг означал фактическую приватизацию государственного экспертного органа узкой группой ангажированных антикультуристских активистов, лишенных признанного академическим сообществом профильного образования в области религиоведения, социологии религии или психиатрии. Превратив Экспертный совет в закрытый понерогенный узел, Дворкин и его сторонники монополизировали право на вынесение вердиктов о характере религиозной деятельности граждан Российской Федерации. Судебная система страны оказалась в заложниках у этой псевдоэкспертной монополии, поскольку суды и следственные органы начали слепо копировать заключения РАЦИРС, превращая их в основу для запрета религиозных организаций и уголовного преследования верующих.

Институциональное закрепление патократии неизбежно влечет за собой глубокую фундаментальную деформацию всей правовой системы государства. Классическое правосознание, формировавшееся на протяжении столетий и базирующееся на фундаментальных принципах формального равенства перед законом, презумпции невиновности, состязательности судебного процесса, недопустимости использования субъективных теологических оценок в качестве доказательств и строгой ориентации на «право деяния» (когда наказанию подлежит лишь конкретное противоправное действие, причинившее реальный вред), вступает в непримиримый конфликт с природой патократии. Для выживания патократической системы требуется право совершенно иного типа — «право убеждения», при котором криминализуется сам образ мыслей человека, его мировоззренческие установки, религиозные верования или художественные предпочтения, даже если они не выражаются в каких-либо общественно опасных действиях.

Для преодоления сопротивления традиционной правовой системы патократия осуществляет тихий, но полный «экспертный переворот». Суть этого феномена

заключается в том, что процессуальные стандарты доказывания, требующие от следствия кропотливого сбора объективных фактов, материальных улик и установления прямой причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими последствиями, подменяются субъективными оценками лояльного режиму квазиэкспертов. Судебный процесс очищается от реального правового содержания и превращается в ритуальное оформление заранее подготовленных экспертных заключений, авторами которых выступают деятели понерогенных союзов. Судья утрачивает роль независимого арбитра, оценивающего доказательства по внутреннему убеждению, основанному на законе, и превращается в технического исполнителя воли эксперта-патократа, чье мнение наделяется статусом абсолютной, не подлежащей сомнению истины.

Ярким и наиболее опасным примером создания такой параллельной псевдонаучной реальности для обслуживания нужд репрессивной машины стало возникновение в России дисциплины, именуемой «деструктологией», разработанной Романом Силантьевым. С позиций политической понерологии деструктология стала примером понеризованной дисциплины — искусственного теоретического конструкта, мимикрирующего под академическую науку, использующего наукообразную терминологию, но полностью лишенного объективного научного метода, проверяемой методологии и верифицируемой эмпирической базы. Ее единственная базовая цель — легитимизация государственного произвола и создание универсальной теоретической основы для уголовного преследования любых лиц по максимально размытым критериям.

Деструктология объединяет в один концептуальный конгломерат абсолютно разнородные явления: от радикальных террористических группировок и религиозных меньшинств до молодежных субкультур, увлечений нетрадиционной медициной, экологических движений и мирного политического протеста, клеймя их все как проявления единой «деструктивной» угрозы национальной безопасности.

Использование деструктологических экспертиз позволяет следственным органам с легкостью обходить любые требования уголовно-процессуального закона. Вместо доказывания умысла, планирования или совершения конкретных преступлений следователю достаточно получить заключение деструктолога о том, что обвиняемый

принадлежит к «деструктивному течению», использует «деструктивные психотехники» или распространяет материалы, содержащие признаки «деструктивной идеологии». При этом критерии деструктивности формулируются самим Силантьевым и его сотрудниками настолько широко и двусмысленно, что под них может быть подведена практически любая человеческая деятельность, отличающаяся от жестко предписанной государством нормы. Внедрение этой дисциплины в практику судов и следствия означает окончательный демонтаж остатков правового государства и возвращение к принципам средневековой инквизиции, где эксперт оценивает не состав преступления, а чистоту помыслов и лояльность подсудимого господствующей догме.

Параллельно с деструктологией в правовом пространстве происходило укоренение антинаучных концепций «контроля сознания» (*mind control*) и «промывания мозгов» (*brainwashing*), активно продвигаемых Александром Дворкиным и его соратниками по РАЦИРС. Внедрение в правоприменительную практику внеправовых, оценочных и стигматизирующих понятий наподобие «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» создало условия для оттеснения на второй план конституционных гарантий свободы совести и вероисповедания. Юридический анализ конкретной деятельности гражданских объединений был вытеснен герменевтическим анализом их религиозных доктрин и убеждений, осуществляемым ангажированными теологами из окружения Дворкина. Судебные процессы превратились в теологические диспуты, где мерой вины подсудимого служило его отклонение от религиозных представлений эксперта Минюста, что ознаменовало полную капитуляцию классического права перед наступающей патократией.

Для эмпирического подтверждения теоретических положений политической понерологии и демонстрации того, как механизмы индуцированной паранойи и экспертного переворота функционируют на практике, необходимо провести глубокий сравнительный анализ репрессивных практик в Российской Федерации и Французской Республике. Эти два государства, обладая принципиально различными политическими системами, правовыми традициями и уровнями развития гражданского общества, тем не менее демонстрируют поразительное сходство в механизмах деформации правосудия под влиянием антикультистского лобби, что доказывает универсальный характер законов понерогенеза.

В Российской Федерации наиболее масштабным, системным и трагическим проявлением отступления права перед антикультистской логикой стало беспрецедентное судебное решение Верховного Суда РФ от двадцатого апреля две тысячи семнадцатого года о признании Религиозной организации Свидетелей Иеговы экстремистской, запрете ее деятельности на территории страны и конфискации всего ее имущества. Данный вердикт, повлекший за собой лавинообразный процесс массовых обысков на рассвете, арестов, пыток в следственных изоляторах и вынесения суровых приговоров к длительным срокам реального тюремного заключения для тысяч мирных верующих, был полностью выстроен на экспертных заключениях, подготовленных специалистами, тесно связанными с РАЦИРС и лично Александром Дворкиным.

В ходе этого судебного процесса и сотен последующих уголовных дел против индивидуальных верующих суды полностью проигнорировали тот факт, что в деятельности Свидетелей Иеговы не было обнаружено ни одного признака насилия, призывов к нему, экстремистской деятельности или нанесения вреда здоровью граждан. Экстремистский характер религиозной деятельности верующих был выведен квазиэкспертами из их глубокой внутренней убежденности в истинности собственного религиозного пути и ложности других вероучений. Этот феномен, являющийся имманентным свойством любого глубокого религиозного или философского сознания — от православия и католицизма до ислама и буддизма — был интерпретирован экспертами РАЦИРС как «пропаганда исключительности и превосходства граждан по признаку их отношения к религии», что формально подпадает под дефиницию экстремизма в российском законодательстве.

Таким образом, судебная система России, ведомая логикой понерогенеза, криминализовала базовую конституционную свободу совести на основании абсурдных теологических интерпретаций, превратив мирных граждан, известных своей принципиальной позицией отказа от насилия и ношения оружия, в опасных государственных преступников.

Другим вопиющим примером торжества деструктологии в российской репрессивной системе стало уголовное преследование театрального режиссера Евгении Беркович и драматурга Светланы Петрийчук в связи с постановкой спектакля «Финист Ясный Сокол». Спектакль, рассказывающий о трагических судьбах российских женщин,

завербованных в ряды радикальных исламистских организаций через интернет, парадоксальным образом был обвинен в пропаганде и оправдании терроризма. Обвинение целиком и полностью базировалось на комплексной деструктологической экспертизе, выполненной лично Романом Силантьевым и его сотрудниками. В этом документе, лишенном даже намека на научную методологию, искусствоведческий или лингвистический анализ, художественные метафоры, сценические образы и драматургические приемы были интерпретированы как пропаганда ИГИЛ и феминизма, который эксперт Силантьев охарактеризовал как деструктивное течение, угрожающее традиционным ценностям. Данный кейс наглядно продемонстрировал, как искусственно созданная псевдонаука деструктология используется патократией для прямого подавления свободы художественного самовыражения, позволяя легко изолировать неугодных деятелей культуры с помощью репрессивных инструментов уголовного правосудия, основываясь исключительно на субъективных фобиях и личных доктринах эксперта.

Во Франции, несмотря на сохранение демократических институтов, верховенство права и независимость судебной власти, также наблюдаются глубокие и опасные проявления деформации правосудия под влиянием антикультулистской повестки MIVILUDES. Французский опыт уникален тем, что он демонстрирует не только глубину проникновения патократических методов в государство, но и механизмы сопротивления со стороны другой части населения. В течение последних лет Административный суд Парижа неоднократно выносил решения против MIVILUDES, удовлетворяя судебные иски Свидетелей Иеговы и ряда других религиозных организаций о защите чести и достоинства, клевете и публикации недостоверных данных. В резонансных судебных процессах две тысячи двадцать четвертого и две тысячи двадцать пятого годов парижский суд официально обязал государственное ведомство MIVILUDES удалить дискредитирующие пассажи, клеветнические утверждения и непроверенную информацию в отношении Свидетелей Иеговы из своих официальных годовых отчетов, представляемых премьер-министру.

Французские суды прямо указали, что государственная миссия систематически нарушала фундаментальный принцип состязательности, объективности и беспристрастности. Ведомство строило свои обвинительные доклады на анонимных,

ничем не подтвержденных жалобах бывших членов организации, полностью игнорируя современные академические социологические и религиоведческие исследования, а также полагаясь на устаревшие, субъективно интерпретированные данные тридцатилетней давности. Судебная система Франции фактически констатировала, что государственное агентство подменило объективный анализ фактов правонарушений идеологическим конструированием «сектантских рисков» в угоду антикультистскому лобби.

К сожалению, несмотря на жесткий судебный контроль, лоббистский потенциал MIVILUDES и тесно связанных с ней структур FECRIS остается чрезвычайно высоким, что привело к принятию французским парламентом в две тысячи двадцать четвертом году нового, жесткого законодательства, криминализирующего «психологическое подчинение» (*sujétion psychologique*). Эта норма, фактически вводящая в уголовное право Франции антинаучную концепцию «промывания мозгов», предоставляет правоохранительным органам размытые, лишённые четких денотатов юридические инструменты для преследования любой неугодной группы, альтернативного мыслителя, неортодоксального врача или духовного лидера. Это лишь подчеркивает тезис о том, что патократические тенденции способны пробивать бреши в законодательном поле, стремясь подчинить репрессивный аппарат государства своим идеологическим установкам и субъективным страхам.

Наиболее деструктивная стадия институционализации патократии характеризуется явлением, которое в политической понерологии можно определить как предельную метаморфозу Левиафана. На этом этапе гигантский репрессивный аппарат государства, обладающий монополией на легитимное насилие, колоссальными финансовыми, административными и силовыми ресурсами, фактически приватизируется узкой группой идеологов и превращается в прямую проекцию их индивидуальных психических девиаций, клинических фобий, неврозов и компенсаторных мессианских амбиций. Государственная машина перестает руководствоваться какими-либо рационально осмысленными национальными интересами, экономическим прагматизмом или даже классическими целями сохранения политической стабильности. Ее действия подчиняются исключительно

иррациональной логике личной мести, параноидной конспирологии и психологической защиты девиантных лидеров, узурпировавших экспертное знание.

Глубокий психологический анализ деятельности ведущих антикультистских идеологов в России и их коллег во Франции показывает, что за их неумной, фанатичной энергией по непрерывному поиску «внутренних врагов», «тоталитарных сект» и «деструктивных течений» скрывается глубокая личностная деформация. Неспособность к ведению открытой, равноправной академической дискуссии, интеллектуальная несостоятельность, вытесненные комплексы неполноценности и страх перед многообразием, сложностью и неопределенностью окружающего мира порождают у них компенсаторную потребность в абсолютном доминировании и контроле. Для такого характера любая иная точка зрения, любое альтернативное мировоззрение или независимое объединение граждан воспринимается не как проявление свободы человеческого духа, а как личное оскорбление, угроза их экзистенциальной безопасности и заговор темных сил, требующий немедленного уничтожения.

В нормальном, здоровом обществе подобные проявления локализуются в рамках маргинальных групп, академических дискуссий или клинической психиатрической практики, не оказывая существенного влияния на жизнь социума. Однако в условиях прогрессирующей патократии, когда традиционные барьеры правового государства разрушены «экспертным переворотом», эти лица получают прямой доступ к пультам управления репрессивным аппаратом. Происходит своеобразный психологический резонанс между девиантным идеологом и чиновниками силовых ведомств, обладающими схожим типом характера или стремящимися сделать быструю карьеру на поиске внутренних врагов. Государственный аппарат заражается индуцированным психозом. Следователи, прокуроры, оперативники и судьи начинают искренне, фанатично верить, что мирные граждане, собирающиеся на квартирах для чтения священных текстов, медитирующие в парках или ставящие театральные спектакли, представляют собой масштабную угрозу для выживания нации.

Личный страх одного или нескольких девиантных людей перед иной точкой зрения масштабируется до размеров общенациональной угрозы и оборачивается для тысяч ни в чем не повинных людей реальными трагедиями. Государство, через лазейки «экспертных заключений» и псевдонаучных теорий вроде деструктологии, полностью

утрачивает разумное начало. Оно перестает быть защитником правопорядка и превращается в гигантский, слепой инструмент реализации индивидуального психологического террора девиантных лидеров. Это подтверждает главный и самый грозный вывод политической понерологии Эндрю Лобачевского: макросоциальное зло никогда не рождается из абстрактных идеологий; оно всегда является результатом неспособности человеческого общества вовремя распознать, демаскировать и изолировать клиническую картину тех, кто стремится узурпировать право решать, что является нормой, а что — девиацией.

Глава 3. Стать тем, с кем борешься

Традиционные концепции, апеллирующие к рациональному выбору акторов, экономическим интересам или классовой борьбе, все чаще обнаруживают свою объяснительную несостоятельность перед лицом всплеск иррациональной агрессии, системной подозрительности и институционализированного насилия, возникающих внутри внешне стабильных, правовых и секулярных обществ. Онтология макросоциального зла в современную эпоху смещается из области метафизических категорий или чисто политического противостояния в плоскость исследования постоянных сбоев механизмов социальной регуляции. Возникает феномен, при котором деструктивные импульсы, ранее локализовавшиеся на периферии общественного сознания, начинают проникать в его ядро, деформируя институты права, государственной безопасности и межконфессионального диалога. Граница между нормой и отклонением в общественном поле оказывается чрезвычайно подвижной и уязвимой для манипуляций.

В условиях ценностной дезориентации и информационного перенасыщения индивидуальный бред, параноидальные конструкты и депрессивные расщепления отдельных субъектов получают возможность масштабироваться, маскируясь под легитимную заботу о национальной безопасности, защиту традиционных ценностей или

духовно-нравственное возрождение. Искажённое восприятие реальности, свойственное лицам с глубокими деформациями психики, через каналы массовой коммуникации транслируется на макросоциальные группы. Происходит своеобразная легитимация девиации, когда клинические симптомы индивида начинают восприниматься обществом как проявление патриотической бдительности или высокой гражданской ответственности. В связи с этим формулируется главный вопрос, направленный на раскрытие конкретных психологических, дискурсивных и институциональных трансмиссий, позволяющих частному психиатрическому анамнезу отдельной личности стать концептуальной основой для конструирования образа врага и запуска масштабных преследований на макросоциальном уровне. Для дальнейшего разбора данного вопроса необходимо проследить весь путь трансляции от первичного клинического очага в структуре личности конкретного идеолога до его сублимации в псевдонаучную доктрину и последующего внедрения этой доктрины в практику государственного управления. Подобный анализ позволяет вскрыть глубинные пружины понеризации общественного пространства и выработать методологические инструменты для защиты здоровой базы социума от разрушительного влияния декомпенсированных личностей.

Для понимания того, как теоретические законы понеризации реализуются в конкретно-историческом контексте, обратимся к детальному разбору жизненного пути и клинического анамнеза ключевой фигуры российского антисектантского движения — Александра Леонидовича Дворкина. Архивные документы, опубликованные на специализированных исследовательских платформах и информационных ресурсах, позволяют детально воссоздать биографический лабиринт этого человека, выявив глубокие внутренние конфликты и клинические девиации, послужившие впоследствии основой для его публичной деятельности.

Юношеские годы Дворкина характеризуются выраженной социальной дезадаптацией, неспособностью к продуктивной деятельности и систематическими конфликтами с социальными институтами советского общества. Важной вехой его ранней биографии является неспособность получить высшее образование в СССР, что официально подтверждается документами советской системы здравоохранения. В материалах Психоневрологического диспансера № 3 города Москвы, представленных

на странице 24 медицинской карты (*для полного ознакомления с материалами данного разбирательства ссылки на соответствующие ресурсы будут приведены в списке источников*), содержится запись лечащего врача, фиксирующая этот социальный сбой, где прямо указывается, что больной из института отчислен с третьего курса за прогулы и выражает желание продолжить учебу заочно. Этот факт резко контрастирует с создаваемым им впоследствии мифом о себе как об активном участнике и одном из лидеров советского хиппи-движения. Воспоминания современников, в частности детальные свидетельства Сергея Москалева, опубликованные на профильных ресурсах, разоблачают эту идеализированную картину, указывая на то, что Дворкин демонстрировал деструктивный характер лидерства, проявлял необоснованную агрессию, стремился к контролю над окружением и жестко выдавливал из своего круга общения любых несогласных.

Глубокий кризис идентичности и нарастающая психическая декомпенсация привели Дворкина на больничную койку специализированного медицинского учреждения. Он находился на стационарном лечении в Психиатрической клинической больнице № 14 города Москвы в период с 26 марта по 25 апреля 1974 года. Клиническая картина раннего периода его заболевания, зафиксированная в медицинской карте Психоневрологического диспансера № 3 на странице 19, свидетельствует о тяжелых аффективных расстройствах и суицидальном поведении, спровоцированном банальными бытовыми конфликтами. В документе зафиксировано, что после того, как мать сделала ему замечание, он выпил люминал и порезал себе вены, что указывает на крайне низкий порог фрустрационной толерантности и склонность к демонстративно-шантажному аутоагрессивному поведению.

Психиатрический статус пациента усугублялся выраженными слуховыми и сенсорными галлюцинациями, которые детально описываются в его истории болезни. Пациент жаловался на постоянное ощущение присутствия постороннего человека за своей спиной, а также на навязчивое звучание музыки внутри головы, что в клинической практике является классическим маркером эндогенного процесса и нарушения восприятия. Пытаясь справиться с нарастающим внутренним хаосом и уйти от невыносимой для него действительности, Дворкин прибегал к систематическому употреблению психоактивных веществ. На странице 15 медицинской карты ПНД № 3

зафиксированы признания самого больного, который сообщал врачу, что несколько раз употреблял седуксен, а также циклодол по восемь таблеток за один прием, кроме того, он вдыхал пары пятновыводителя, сначала из любопытства, а затем целенаправленно для того, чтобы отключиться от действительности. В документах также содержатся сведения об употреблении им анаши во время летнего отдыха.

С точки зрения современной клинической психиатрии и наркологии, воздействие каннабиноидов и психоделиков на мозг человека с латентной шизофренией или циклотимией подобно проливанью бензина на тлеющие угли. Психоактивные вещества катализируют скрытые процессы, переводя их из компенсированной формы в манифестную, разрушая хрупкие когнитивные связи и закрепляя искаженное восприятие реальности. Именно в этот период у Дворкина начинают оформляться устойчивые паранойяльные синдромы. Наркотические опыты углубили его чувство отчуждения от мира, трансформировав его в стойкую манию преследования. Окружающая действительность начала казаться ему ареной заговора скрытых, враждебных сил. В его сознании закрепились жесткая дуалистическая картина мира, где нет места компромиссам, а все люди делятся на «своих» и смертельных врагов, плетущих заговоры. Эта параноидальная матрица, сформированная под влиянием токсического воздействия наркотиков на уязвимую психику, впоследствии стала методологической основой всей его деятельности.

На протяжении нескольких лет наблюдения московские психиатры фиксировали у Дворкина динамику тяжелых психических расстройств. В его медицинских документах фигурирует целый спектр диагнозов, среди которых циклотимия как циркулярный психоз в депрессивной фазе, патологическое развитие личности по возбудимому типу, выраженный психофизический инфантилизм, а также обоснованное подозрение на вялотекущую шизофрению. Особый интерес для исследователей механизмов понеризации представляет факт снятия Александра Дворкина с психиатрического учета в Психоневрологическом диспансере № 3 в 1977 году, зафиксированный на странице 31 медицинской карты. Это снятие было проведено не по причине выздоровления или стойкой ремиссии, подтвержденной авторитетной врачебной комиссией, а исключительно в связи с его эмиграцией за границу. Таким образом, декомпенсированный психический статус индивида с тяжелыми личностными

деформациями и неразрешенными внутренними конфликтами был законсервирован, не пройдя необходимой медицинской коррекции и реабилитации. Именно этот неразрешенный внутренний хаос, отягощенный опытом стигматизации, дезадаптации и злоупотребления медикаментами, в последующие годы сублимировался в создание агрессивной социально-политической технологии, направленной на поиск внешнего врага и борьбу с ним.

Перенос индивидуальных психических проблем в плоскость публичной политики требует создания прочной теоретической рамки, способной признать законным внутренний хаос субъекта в глазах общества. В случае Александра Дворкина этот процесс принял форму конструирования концепта тоталитарных сект и теории разрушения психики, ставших классическим примером сублимации личных деструктивных паттернов, фобий и когнитивного расщепления. Клинический анамнез, зафиксированный в архивах медицинских учреждений, наглядно демонстрирует, как субъективные страхи перед потерей контроля над собственным разумом и телом трансформировались в масштабную псевдонаучную доктрину, направленную против религиозных меньшинств. Человек, чей собственный разум подвергался эндогенным атакам и неконтролируемым слуховым иллюзиям, экстраполировал этот страшный опыт на внешнюю реальность. В его интерпретации религиозные группы стали обладать демоническим могуществом, способным мгновенно и безвозвратно стереть личность любого здорового человека. То, что в рамках клинической психиатрии квалифицировалось как дезорганизация мыслительной деятельности и снижение вторичных форм анализа и синтеза, в публичном пространстве было преподнесено как результат зомбирования со стороны враждебных религиозных лидеров.

Личный опыт токсической диссоциации и последующей тяжелой депрессивной фазы циркулярного психоза, зафиксированной в истории болезни Психиатрической клинической больницы № 14, был спроецирован им на поведенческие паттерны адептов различных верований. Описывая состояние членов нетрадиционных религиозных движений как наркотическое опьянение или транс, Дворкин фактически воспроизводил воспоминания о собственных измененных состояниях сознания, пережитых в период юношеской дезадаптации. Внутренний страх перед химической и психологической зависимостью, с которым он не мог справиться самостоятельно,

превратился в крестовый поход против воображаемой индустрии ментального порабощения.

Одним из ключевых практических следствий постановки на психиатрический учет для Александра Дворкина стало решение вопроса с призывом в ряды Вооруженных Сил СССР. Для молодого человека его склада служба в советской армии представляла смертельную угрозу, и медицинский диагноз стал идеальным щитом. Дворкин был официально признан негодным к военной службе по психиатрической статье. Этот факт его биографии, который он впоследствии пытался представить как форму «диссидентского сопротивления» или случайное стечение обстоятельств, в действительности был задокументирован как следствие реального психического заболевания. Психиатрический диагноз спас его от казармы, но навсегда наложил отпечаток на его социальный статус в СССР, предопределив его последующее решение об эмиграции.

После эмиграции в США в 1977 году этот внутренний хаос не только не утих, но и получил новое оформление. Оказавшись в чужой языковой и культурной среде, без устойчивых социальных связей, Дворкин пережил глубочайший личностный кризис. Наблюдая за бурным развитием новых религиозных движений в Америке конца семидесятых годов, он увидел в них не социокультурный феномен, а проекцию собственных скрытых страхов перед внешним контролем и манипуляцией. Его личный опыт ментальной нестабильности и страх потерять контроль над собственным разумом заставили его примкнуть к зарождавшемуся американскому антисектантскому движению. Все те когнитивные искажения, которые были порождены его болезнью и усугублены употреблением наркотиков, — подозрительность, склонность видеть заговоры в обычных вещах, черно-белое мышление, эмоциональная холодность к оппонентам — вдруг оказались востребованы. Он спроецировал свою внутреннюю драму ментального распада на внешние объекты, сделав религиозные меньшинства козлами отпущения за свои собственные непроработанные психические травмы и неизлеченные диагнозы.

Медицинские документы Психиатрической больницы № 14 за период госпитализации Дворкина фиксируют у него состояние острой тревоги, рассеянности и разорванности ассоциативного процесса. В нормальных условиях такой субъект

нуждается в постоянном клиническом наблюдении и приеме нейролептиков, что и было подтверждено много лет спустя в независимом экспертном заключении Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени. В условиях дефицита настоящих ценностей и социальных трансформаций конца двадцатого века эти симптомы нашли совершенно иное применение.

Тревога Дворкина срезонировала с коллективной тревогой дезориентированного населения, а его бредовые идеи преследования были восприняты как долгожданное объяснение происходящих в стране потрясений. Используя средства массовой информации в качестве гигантского резонатора, Дворкин запустил классический механизм моральной паники. Суть этого процесса заключается в создании в общественном сознании образа абсолютного зла, угрожающего базовым устоям выживания социума. В его выступлениях и публикациях постоянно присутствовала апокалиптическая риторика, изобиловавшая бездоказательными утверждениями о миллионах жертв сект, разрушенных семьях и приготовлениях к государственным переворотам. Эта эмоционально заряженная, агрессивная подача материала, компенсирующая полное отсутствие научного анализа, оказывала мощное индуцирующее воздействие на внушаемые слои населения. Здоровые люди, поддавшись транслируемому страху, начинали видеть скрытых врагов в любых нетрадиционных проявлениях религиозности, что привело к росту подозрительности, ксенофобии и разрушению социального доверия.

Взаимосвязь между личной склонностью к аутоагрессии и общественным насилием в деятельности Дворкина носит характер прямой проекции. Зафиксированная на страницах его амбулаторной карты попытка самоубийства, совершенная после банального бытового конфликта с матерью, демонстрирует крайне низкий порог фрустрации и склонность решать внутренние противоречия через радикальный, деструктивный жест. Не имея возможности направить эту агрессию на реальные источники своих психологических проблем, Дворкин направил ее на религиозные меньшинства, превратив их в идеального козла отпущения. Через индуцирование макросоциума страхом он сублимировал собственные суицидальные и садистические импульсы, заставляя общество содрогаться от вымышленных угроз и тем самым отвлекая внимание от своей глубокой внутренней декомпенсации.

Инструментом для институционализации этой глубоко личной травмы стало создание в тысяча девятьсот девяносто третьем году Центра Ириней Лионского. Эта организация, формально позиционируемая как информационно-консультационный центр, на деле послужила местом для конвертации индивидуального бреда преследования в социально приемлемый и даже одобряемый дискурс. Через деятельность центра клинические фобии Дворкина получили организационное оформление, штатное расписание и финансовую поддержку. Псевдонаучная теория сектоведения, лишенная какой-либо серьезной доказательной базы, стала транслироваться от имени авторитетного учреждения. С точки зрения политической понерологии Анджея Лобачевского, создание подобного центра знаменовало собой важный этап, на котором индивидуальная характеропатия обрела социальное тело, позволяющее маскировать личную декомпенсацию под праведную борьбу за духовную безопасность нации.

Переход от индивидуального клинического синдрома к масштабной социальной аномалии осуществляется через механизмы психологической индукции, когда в информационное поле общества массово попадают бредовые идеи девиантного лидера. Личность, страдающая глубоким расстройством психотического круга, при определенных социальных условиях способна навязать окружающим свое искаженное восприятие реальности. Александр Дворкин транслировал во внешнюю среду агрессивную, бинарную картину мира, в которой общество находится в состоянии постоянной угрозы со стороны тайных деструктивных сил. Предельная стадия понеризации социальной системы наступает тогда, когда патологические идеи не просто овладевают умами обывателей, но проникают в структуры государственной власти, получая законодательную и административную санкцию. Слияние индивидуальной девиации Александра Дворкина с государственным аппаратом нашло свое завершение в его назначении председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Этот беспрецедентный шаг означал, что клинически верифицированная паранойя получила статус официального инструмента государственной политики в области свободы совести и вероисповедания. Назначение лица с тяжелым психиатрическим прошлым на должность, требующую предельной объективности, беспристрастности и высокого

аналитического уровня, обнажило глубокий кризис кадровой политики и экспертных институтов. Заключение экспертов-психиатров Центра имени Сербского прямо указывает на то, что человек с подобной структурой личности абсолютно непригоден для государственной службы и работы в общественных организациях при государственных учреждениях. Психиатры подчеркивали, что любые решения такого субъекта будут продиктованы исключительно его субъективными, ригидными установками, которые он не способен скорректировать под воздействием объективных фактов или правовых регламентов. Тем не менее государственная машина проигнорировала эти предостережения, сделав выбор в пользу агрессивного идеолога, способного осуществлять репрессивную сегрегацию граждан по религиозному признаку.

Понеризация Экспертного совета Минюста привела к деформации самих принципов права и религиоведческой экспертизы. Место строгого научного анализа заняли субъективные суждения, облеченные в яркую, но пустую публицистическую форму, что полностью соответствует когнитивному стилю лиц, страдающих расстройствами психотического круга. Государственная экспертиза превратилась в трибуну для сведения личных счетов и реализации страшных сценариев преследования. В результате этого слияния пострадали сотни религиозных объединений и тысячи законопослушных граждан, чьи конституционные права были растоптаны на основании экспертиз, написанных под влиянием декомпенсированного мышления руководителя совета. Риск понеризации правовых институтов заключается в том, что закон начинает служить не целям справедливости и общественного согласия, а становится карательным орудием в руках психически нестабильной личности, сублимирующей свои внутренние конфликты через государственное насилие.

Этот процесс наглядно иллюстрирует концепцию патократии Лобачевского, при которой маргинальные и девиантные элементы, проникая в ядро государственной системы, начинают диктовать свои правила здоровому большинству. Легитимация макросоциального зла происходит незаметно. Когда бред преследования оформляется в виде официальных экспертных заключений на гербовой бумаге Министерства юстиции, он начинает трактоваться как государственная необходимость. Это создает серьезную угрозу для правового характера государства, подменяя законность произволом, проистекающим из глубин неисцеленного психического расстройства

отдельного функционера. Необходимо признать, что пример Александра Дворкина не является уникальным историческим казусом, но отражает универсальные закономерности становления таких личностей. Процесс, начавшийся в палатах Психиатрической клинической больницы № 14 и кабинетах Психоневрологического диспансера № 3 города Москвы, через тридцать лет завершился деформацией правового поля огромного государства. Это доказывает, что общественное сознание и государственные институты чрезвычайно уязвимы для агрессивного проникновения характеропатического мышления, если в социуме отсутствуют надежные механизмы психологической и интеллектуальной гигиены.

Здесь промежуточным выводом исследования является обоснование острой необходимости депонеризации экспертных институтов государства. Под депонеризацией в данном контексте понимается комплекс мер, направленных на очищение органов государственной власти, экспертных советов и общественных палат от влияния лиц с выраженными расстройствами личности, склонностью к манипуляциям и параноидальному конструированию реальности. Внедрение строгих процедур независимой психологической и психиатрической экспертизы для кандидатов на ключевые консультативные и экспертные должности при государственных ведомствах должно стать обязательным элементом национальной безопасности. Общество должно быть надежно защищено от ситуации, когда решения, определяющие судьбы миллионов людей, принимаются на основе субъективных фобий и галлюцинаторных проекций декомпенсированных субъектов. Защита общественного сознания от психологической индукции и навязываемой моральной паники требует возрождения ценностей научного рационализма, академической честности и уважения к конституционным свободам. Псевдонаучные теории, подобные сектоведению, должны быть лишены государственной поддержки и подвергнуты беспристрастному научному анализу в рамках классических академических дисциплин. Только восстановив доверие к подлинному знанию и создав эффективные фильтры против проникновения характеропатических лидеров во власть, человечество сможет предотвратить новые вспышки институционализированного насилия и сохранить хрупкую основу миропорядка.

В мае 2014 года в тихом московском кабинете состоялась встреча, которая должна была стать моментом истины, но превратилась в одну из самых поучительных драм современной интеллектуальной цензуры. Молодой журналист Анна Смирнова шла на интервью с Александром Леонидовичем Дворкиным — главным «сектоведом» страны, профессором, человеком, чье имя десятилетиями ассоциировалось с бескомпромиссной борьбой за чистоту веры и разума, — ожидая встретить уверенного в себе, глубокого мыслителя. Замысел беседы был прост и благороден: дать возможность публичной фигуре раскрыться, ответить на острые вопросы оппонентов и без купюр представить свою жизненную философию. Однако то, что начиналось как открытый журналистский диалог, в процессе последующей авторизации текста превратилось в почти панический акт самоцензуры и радикального переписывания реальности.

Живая человеческая речь обладает уникальным свойством: она выдает скрытое. В спонтанном диалоге, когда собеседник лишен возможности часами взвешивать каждое слово, на поверхность неизбежно выходят подлинные эмоции, сомнения, скрытые страхи и интеллектуальные тупики. Именно это произошло с Александром Дворкиным во время записи. Вместо монолитного образа грозного обличителя перед журналистом предстал человек колеблющийся, моментами чрезмерно агрессивный, путающийся в фактах собственной биографии и демонстрирующий признаки глубокой ментальной нестабильности. Тональность его спонтанных ответов колебалась от неуверенного самооправдания до внезапных вспышек раздражения, обнажающих уязвимость, тщательно скрываемую под маской академического величия.

Когда аудиозапись беседы была расшифрована и отправлена Александру Дворкину на согласование, его реакция оказалась знаковой. Осознав, насколько живой текст интервью контрастирует с его публичным мифом, Дворкин подверг материал полной вивисекции. Это не было обычной стилистической правкой или исправлением случайных оговорок. Это была масштабная и тщательная операция по удалению любых следов человеческой слабости, сомнений и психологического надлома. Из текста безжалостно вырезались целые смысловые блоки, где сквозь гладкий фасад проступали тревожные симптомы личностной дезинтеграции.

Этот инцидент важен не просто как пример недобросовестного отношения спикера к своим словам. Судорожная правка майского интервью стала отражением фундаментального страха Александра Дворкина — страха перед тем, что общество увидит за его агрессивной антисектантской риторикой то, что он пытается скрыть всю свою сознательную жизнь. Под покровом отредактированных, выхолощенных текстов скрывается трагедия человека, чья собственная психика десятилетиями находится в состоянии прогрессирующей нестабильности. Масштаб редакторского вмешательства Александра Дворкина в текст стенограммы поражает воображение любого профессионального лингвиста и текстолога. Согласно детальному сопоставлению первоначальной аудиозаписи и итогового «авторизованного» текста, Дворкин безжалостно удалил около шести тысяч символов живой, спонтанной речи. Взамен этого колоссального объема выброшенной информации он встроил более десяти тысяч шестисот символов заранее подготовленного, дидактического, сухого и агрессивного текста. Это не косметическая правка, а полное переформатирование структуры коммуникации: живой, двусторонний диалог был искусственно превращен в авторитарный письменный манифест.

Внимательный анализ удаленных фрагментов позволяет составить точный психологический портрет их автора в момент говорения. Из оригинальной речи Дворкина систематически вырезались все маркеры неуверенности, долгие паузы, междометия, а также характерные синтаксические тупики, когда он начинал фразу, но не мог логически ее завершить. В живой записи Александр Леонидович часто прибегал к защитной агрессии, сбивался на личные нападки, когда вопросы касались методологии его работы или отсутствия у него профильного академического образования в области психологии и религиоведения. В вычитанной версии эти эмоциональные срывы были заменены на гладкие, псевдонаучные формулировки, создающие иллюзию олимпийского спокойствия и абсолютной когнитивной стабильности.

Особое внимание привлекает то, как Дворкин редактировал свои высказывания о методах борьбы с религиозными меньшинствами. В первоначальном варианте его речь изобиловала эмоциональными метафорами войны, уничтожения и недоверия. Он проговаривался о своем отношении к людям как к объектам манипуляции, часто путая термины и обнаруживая полное непонимание базовых принципов свободы совести. В

отредактированном тексте эти опасные откровения были заменены на стандартные клише о защите прав граждан и национальной безопасности. Изъятию подверглись также любые упоминания о его личных конфликтах внутри церковной среды и академического сообщества. Дворкин стремился создать впечатление полной монолитности своей поддержки со стороны как государственных, так и церковных институтов, хотя в оригинале его сквозила явная обида на «непонимание» и «предательство» со стороны некоторых коллег.

Удаляя следы своей спонтанной речевой деятельности, Дворкин решал важнейшую задачу — он стирал симптомы когнитивного дефицита. Для человека, страдающего определенными психическими расстройствами, характерна разорванность мышления, соскальзывание с одной темы на другую, внезапная потеря нити рассуждения под влиянием аффекта. Все эти феномены в избытке присутствовали в оригинальной стенограмме. Заменяя живые ответы на параграфы из своих ранее опубликованных книг и методичек, Дворкин фактически прятал свое актуальное ментальное состояние за старыми, многократно проверенными шаблонами. Этот процесс конструирования искусственного текста наглядно демонстрирует, что его публичная идентичность — это хрупкий конструкт, требующий постоянного административного и редакторского контроля для предотвращения саморазоблачения.

Истоки той панической тщательности, с которой Александр Дворкин редактирует свои тексты и биографию, находятся в документах, которые он мечтал бы уничтожить навсегда. Речь идет о тех самых архивных материалах советской психиатрической системы, проливающих свет на юность и молодость будущего борца с культами. История болезни, фрагменты которой стали достоянием общественности благодаря независимым расследованиям и утечкам из медицинских архивов, открыли совершенно иное измерение его личности.

Важно подчеркнуть, что клинические проявления, зафиксированные в его юношеской истории болезни, никуда не исчезли с возрастом. Циклотимия и склонность к формированию сверхценных паранойяльных идей — это хронические состояния, требующие постоянного контроля и терапии. Когда человек с подобной структурой личности оказывается в условиях сильного стресса или, напротив, получает неограниченную власть над умами людей, его скрытые болезни начинают диктовать его

социальное поведение. Юношеский диагноз Александра Дворкина стал тем фундаментом, на котором впоследствии выросла вся его агрессивная антисектантская деятельность, представляющая собой не что иное, как социально приемлемую форму реализации его внутренних психических девиаций. Тот факт, что человек с тяжелым психиатрическим анамнезом, задокументированным уклонением от воинской службы и явными признаками личностной деградации на протяжении десятилетий является ключевым экспертом в вопросах религии и права в огромной стране, кажется абсурдом. Однако этот абсурд имеет под собой вполне рациональное объяснение.

Вокруг Александра Дворкина за годы его деятельности сложился мощный консорциум интересантов, для которых его фигура является незаменимым инструментом влияния и извлечения административного ресурса. Этот синдикат молчания включает в себя влиятельных представителей церковной бюрократии, консервативных политиков, представителей силовых структур и профильные академические институты, такие как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ) и Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Для этих структур Дворкин выполняет роль тарана. Его агрессивная, не знающая компромиссов риторика идеально подходит для зачистки религиозного поля, устранения конкурентов традиционных конфессий и обоснования жестких репрессивных мер со стороны государства против любых форм инакомыслия.

Именно поэтому любые попытки предать огласке медицинское прошлое Александра Дворкина сталкиваются с яростным, системным сопротивлением. Как только в публичном пространстве всплывают архивные справки из больницы № 14 или свидетельства о его наркотической юности, включается отлаженная машина дезинформации. Юристы РАЦИРС и дружественные медиаресурсы немедленно объявляют эти документы «фальшивками», «клеветой» и «происками врагов России». Информационное пространство подвергается жесточайшей зачистке: публикации удаляются, независимым журналистам угрожают судебными исками, а авторы расследований подвергаются травле. Эта круговая порука защищает не лично Александра Дворкина — она защищает антикультизм, который он олицетворяет. Признать, что главный эксперт по «сектоведению», чьи заключения ложились в основу судебных приговоров, запретов религиозных организаций и государственных доктрин,

является психически нестабильным человеком с тяжелым диагнозом — значит поставить под удар легитимность сотен судебных решений и авторитет институтов, которые его поддерживали. Это означало бы признание того, что государственная машина на протяжении тридцати лет использовала в качестве судейского оракула человека, чей разум находится в плену параноидальных иллюзий.

Общество имеет право и обязано знать правду о ментальном здоровье тех, кто берет на себя смелость судить других. Когда человек, претендующий на роль духовного и интеллектуального цензора, сам является носителем разрушительных ментальных проблем, его деятельность неизбежно отравляет все социальное пространство вокруг него. Разоблачение мифа об Александре Дворкине — это не сведение личных счетов, а необходимый акт общественной гигиены.

Глава 4. Путь к исцелению общества

На протяжении веков политическая мысль находилась в плену наивного дуализма, объясняя деградацию государств и цивилизаций через категорию субъективного порока — злой воли правителей, тайных заговоров элит или морального упадка масс. Однако современная системная теория, кибернетика и синергетика предлагают принципиально иной взгляд, где общество представляет собой многоуровневый гомеостатический организм, жизнеспособность которого определяется не просто суммой качеств составляющих его индивидов, а эффективностью информационных потоков, устойчивостью регуляторных контуров и надежностью обратных связей. В здоровом состоянии социальный организм обладает колоссальным потенциалом самоочищения и адаптации, компенсируя локальные флуктуации и сдерживая деструктивные импульсы отдельных элементов ради выживания целого.

Патократия — власть психологически девиантного меньшинства — в этой парадигме представляется не как случайное стечение политических обстоятельств, а как глубокий системный и кибернетический сбой. В здоровом социуме институты

гражданского общества, независимое правосудие, свободная пресса и этические табу выполняют роль защитников, распознающих и нейтрализующих деструктивные, манипулятивные или психопатические паттерны поведения на дальних подступах к центрам принятия решений. Но в условиях глобального кризиса происходит фатальный сбой распознавания. Защитные контуры социума не просто ослабевают; они начинают работать в инвертированном режиме. То, что должно было служить фильтром против деструктивности, превращается в лифт для ее восхождения, а здоровые слои общества, наоборот, начинают идентифицироваться как угроза и планомерно уничтожаться. Этот процесс деструкции разворачивается через постепенный перехват каналов обратной связи.

Патократический режим начинает свою экспансию с тотальной стерилизации информационного поля. Он подменяет реальную обратную связь симулякрами, создавая круговорот самоподтверждающейся лжи. Возникает феномен слепоты, при котором управляющий субъект теряет способность адекватно оценивать последствия собственных решений. Социальный организм теряет ориентацию в пространстве исторических возможностей, его действия становятся хаотичными, реактивными и саморазрушительными, напоминая судороги больного в состоянии терминального сепсиса. К сожалению, со временем такая слепота неизбежно сопровождается деградацией понятийного аппарата общества. Язык перестает служить инструментом познания и трансляции смыслов, превращаясь в средство маскировки симптомов и признания неадекватного поведения.

Термины, описывающие базовые этические и функциональные категории — справедливость, норма, безопасность, развитие — подвергаются злокачественной семантической трансдукции. Их значение выворачивается наизнанку: агрессия именуется защитой, подавление — стабилизацией, а интеллектуальная и моральная деградация — сохранением традиционной идентичности. Эта понятийная афазия лишает общество возможности даже сформулировать диагноз своего недуга. Люди теряют способность мыслить поверх навязанных синтаксических клише, их когнитивная сфера уплощается, а способность к критической рефлексии атрофируется. Таким образом, преодоление патократии невозможно осуществить путем механической замены одних персоналий во власти другими или поверхностной косметической

реформы существующих институтов. Подобные попытки иллюзорны и ведут лишь к рецидиву болезни, поскольку сама структура общества остается зараженной.

Требуется глубокая, планомерная терапия, направленная на восстановление фундаментальных принципов гомеостаза: регенерацию каналов неискаженной обратной связи, очищение семантического пространства от токсичных наслоений, перенастройку институциональных фильтров и, главное, создание новых, технологически защищенных механизмов. Путь к исцелению лежит через возвращение обществу способности видеть себя без иллюзий, мыслить в точных, научно верифицируемых категориях и защищать свои регуляторные контуры. Восстановление нарушенного гомеостаза требует создания беспристрастных, объективных и высокоточных инструментов диагностики, не зависящих от человеческой предвзятости, политической конъюнктуры или личного обаяния оцениваемых субъектов.

В эпоху, когда публичная политика превратилась в индустрию профессионального манипулирования образами, традиционные методы психологического тестирования и экспертных оценок оказываются бессильными перед маской поверхностной нормальности, которую виртуозно носят представители Темной тетрады. Нарциссы, макиавеллисты, психопаты и садисты обладают уникальной способностью мимикрировать под общественные ожидания, демонстрируя фальшивую эмпатию, патриотизм или заботу о благе граждан. Однако их подлинная природа неизбежно выдает себя в самом тонком и трудноконтролируемом человеческом проявлении — в структуре их вербальной продукции. Именно здесь на помощь обществу приходит цифровая лингвистика и технологии искусственного интеллекта.

Современные методы обработки естественного языка и алгоритмы глубокого обучения на базе трансформерных архитектур способны выступать в роли цифрового стетоскопа власти. Они позволяют осуществлять непрерывный, неинвазивный и математически строгий мониторинг дискурса публичных фигур, выявляя скрытые когнитивно-поведенческие паттерны, недоступные для поверхностного наблюдения. В отличие от человека, оценивающего содержание речи, нейросетевые модели анализируют ее микроструктурную ткань: синтаксическую топологию, лексическое распределение, семантические связи и неосознаваемые маркеры, которые субъект не способен контролировать даже при самом высоком уровне самоконтроля. Письменный

текст или транскрипт устного выступления политика превращается в лингвистическую кардиограмму, где каждый пик и спад отражает реальные особенности его психики.

Одним из наиболее показательных и легко фиксируемых алгоритмами маркеров является аномальная частота использования личных местоимений первого лица единственного числа в сопоставлении с коллективными субъектностями. Для носителей нарциссического спектра характерна неосознаваемая централизация дискурса вокруг собственного «Я». Даже в тех случаях, когда контекст требует использования коллективного «Мы» или безличных грамматических конструкций, их речь демонстрирует устойчивый синтаксический дрейф в сторону самопрезентации. Нейросетевой анализ выявляет не просто количественное доминирование местоимений первого лица, но и их специфическое синтаксическое окружение. Собственное эго субъекта в его речи всегда выступает активным агентом позитивных изменений, в то время как другие акторы либо деперсонализируются, либо наделяются пассивными, подчиненными или исключительно негативными ролями.

Куда более зловещим маркером, характерным для психопатического и макиавеллистского векторов, является синтаксическая гиперрационализация насилия и деструктивных решений. В процессе лингвистического анализа речевой продукции таких деятелей обнаруживается избыточная концентрация причинно-следственных союзов и вводных конструкций там, где обсуждаются вопросы, затрагивающие базовые этические ценности или страдания людей. Психопатический разум склонен воспринимать социальные процессы исключительно инструментально и механистически. Описывая трагедии, репрессии или экономические бедствия, такой субъект неосознанно пытается «упаковать» их в рамку жесткой технической необходимости, используя конструкции, указывающие на прямую детерминированность человеческих страданий абстрактными государственными задачами. Для алгоритма это выглядит как специфическая семантическая аномалия: высокая плотность логических коннекторов сочетается с полным отсутствием лексики, связанной с эмпатией, состраданием или моральным сомнением. Жестокость превращаясь в сухой алгоритмический шаг.

Параллельно с этим глубокие нейросетевые модели фиксируют феномен эмоционального уплощения, маскируемый внешней риторической экспрессией.

Публичные выступления психопатических лидеров могут казаться толпе страстными и эмоционально заряженными, однако компьютерный анализ раскрывает фальшь этой драматургии. В то время как здоровый человек при описании эмоционально значимых событий использует широкий спектр лексических и интонационных маркеров, демонстрирующих сложную гамму переживаний, речь носителя Темной тетрады характеризуется семантической скудостью в зоне подлинных человеческих чувств. Их эмоциональные призывы состоят из заемных, стереотипных клише и патетических формул, лишенных индивидуальной вариативности. Алгоритмы анализа естественного языка с легкостью распознают это рассогласование между высокой амплитудой внешних акустических или текстовых параметров и низкой семантической плотностью реального эмоционального переживания. Это не крик души, а холодная симуляция, рассчитанная на резонанс в восприимчивой аудитории.

Применение таких технологий в масштабах всего полиса позволяет создать систему раннего предупреждения о деструктивном потенциале претендентов на власть. Нейросетевое картирование политического дискурса способно выявлять маркеры задолго до того, как они манифестируют в виде диктаторских законов, преследования инакомыслящих или военных авантур. Этот цифровой иммунный щит не ограничивает свободу слова, но лишает деструктивных манипуляторов их главного оружия — скрытности. Предъявление обществу объективного профиля лингвистической девиации лидера разрушает семантическую маску деспотизма, возвращая гражданам способность видеть подлинное лицо тех, кто стремится управлять их судьбами.

Диагностика системного недуга на уровне политического дискурса неизбежно требует подкрепления в правовом поле, где принимаются ключевые решения о дееспособности, ответственности и допустимости тех или иных форм поведения в рамках закона. Однако здесь общество сталкивается с фундаментальным препятствием: сам аппарат судебной экспертизы, призванный служить беспристрастным арбитром в определении психической и психологической нормы, исторически отягощен тяжелым наследием идеологического и метафизического контроля. Для того чтобы правосудие стало действенным инструментом оздоровления социума, необходима радикальная депонеризация судебной психологии и психиатрии — полное и окончательное очищение экспертной практики от любых ненаучных догм, теологических пережитков и

скрытых политических заказов, которые веками использовались как карательное оружие для подавления когнитивного разнообразия и криминализации свободы совести.

Исторически понятие нормы формировалось на стыке религиозных доктрин и государственных интересов контроля над населением. Девиацией объявлялось все, что не укладывалось в прокрустово ложе господствующей ортодоксии. В результате судебная экспертиза унаследовала глубоко порочную склонность использовать метафизические категории в качестве квазинаучных диагнозов. Понятия греха, духовного падения, одержимости, ереси или идеологической неблагонадежности, завернутые в псевдомедицинскую терминологию, до сих пор проникают в залы судебных заседаний. Это позволяет авторитарным режимам и деструктивным культам использовать судебную систему для расправы с оппонентами, объявляя любые формы неортодоксального мышления, философского поиска или гражданского неповиновения признаками психического расстройства или социальной опасности.

Депонеризация экспертной сферы означает демонтаж этих скрытых механизмов идеологического давления. Судебная психология и психиатрия должны быть полностью избавлены от необходимости и права оценивать религиозные убеждения, мировоззренческие позиции или этические споры граждан. Любые попытки втянуть эксперта в оценку метафизической истинности того или иного учения, уровня духовности подсудимого или соответствия его взглядов неким сакрализованным канонам должны пресекаться на уровне процессуального законодательства. Наука не обладает и не может обладать инструментами для верификации трансцендентного. Когда эксперт берется судить о вопросах веры, он неизбежно превращается в инквизитора, а сама экспертиза — в инструмент идеологического насилия, разрушающий доверие к правосудию как к гаранту справедливости.

Секуляризация понятия нормы требует возвращения судебной экспертизы в строгие рамки доказательной науки, опирающейся исключительно на эмпирически проверяемые и воспроизводимые данные. Психическая норма в судебно-экспертном контексте должна быть демистифицирована и переопределена в терминах когнитивно-функциональной состоятельности, адаптивности и способности к осознанно-волевой регуляции поведения. Эксперт должен оценивать не содержание убеждений человека,

а степень сохранности его когнитивных функций, способность адекватно воспринимать реальность, прогнозировать последствия своих действий и осуществлять контроль над своими импульсами. Если эти функции сохранены, любые попытки криминализовать взгляды субъекта под предлогом их странности, неортодоксальности или несоответствия традиционным представлениям большинства являются нарушением прав человека и признаком скатывания правосудия в патократический формат.

Для практической реализации этого принципа необходимо внедрение жестких протоколов слепой судебной экспертизы, которые бы полностью исключали когнитивные искажения со стороны специалистов. В настоящее время эксперт зачастую работает в условиях полной информированности о политическом и социальном контексте дела, зная имена фигурантов, их общественную позицию и, главное, негласный заказ со стороны следственных органов. Это делает экспертизу уязвимой для манипуляций и давления. Реформа должна гарантировать, что экспертный материал — письменные тексты, видеозаписи, результаты тестов — поступает к специалисту в обезличенном, деконтекстуализированном виде. Эксперт должен работать с чистыми данными, не зная, чью именно психику он анализирует — оппозиционного активиста, государственного чиновника или рядового гражданина. Только такой слепой щит правосудия способен разорвать порочную связь между экспертным заключением и политической целесообразностью.

Когда норма секуляризирована и очищена от идеологических примесей, она становится невероятно четким ориентиром. Судебная экспертиза, вооруженная методами доказательной науки и избавленная от давления традиционалистских мифов, получает возможность беспристрастно исследовать феномены деструктивного лидерства, выявляя клинические признаки психопатии или социопатии у лиц, совершающих преступления против общества под прикрытием государственных или религиозных лозунгов. Тем самым создается непреодолимый барьер для проникновения опасных личностей в судебную и административную систему, а правосудие превращается из дубины подавления инакомыслия в надежный контур защиты когнитивного многообразия и ментального здоровья нации.

Традиционные электоральные системы и жесткие административные иерархии, доминирующие в современном мире, представляют собой идеальный эволюционный

лифт для носителей Темной тетрады — нарциссов, макиавеллистов, психопатов и садистов. В условиях классической предвыборной борьбы, превратившейся в состязание медийных симулякров, эти типы обладают колоссальным конкурентным преимуществом. Лишенные эмпатии и внутренних этических ограничений, они без колебаний используют популизм, откровенную ложь, агрессивную демагогию и манипуляции страхами избирателей. В то время как психически здоровый и ответственный кандидат скован рамками объективной реальности и моральной рефлексии, носитель патологических черт обещает легкие решения сложных проблем, очаровывая аудиторию своей демонстративной уверенностью и харизматичным мессианством.

Принцип жеребьевки полностью нейтрализует психопатологический фильтр выборов. Современные примеры использования сортиции, такие как Гражданские ассамблеи в Ирландии, Бельгии и Канаде, демонстрируют поразительную эффективность этого инструмента в решении сложнейших общественных проблем, вызывавших ранее глубокий раскол и политический паралич. Когда законодательный или консультативный орган формируется путем случайного отбора, репрезентативно отражающего демографическую и психологическую структуру общества, вероятность концентрации носителей Темной тетрады в нем снижается до естественного статистического минимума. Психопат или нарцисс больше не могут использовать свои манипулятивные таланты для захвата власти, поскольку личные амбиции, финансовые ресурсы и медийное влияние полностью теряют свое значение в процессе жеребьевки.

Возвращение власти репрезентативному срезу психически здоровых граждан кардинально меняет саму атмосферу принятия решений. Лишенные необходимости бороться за переизбрание, угождать спонсорам и атаковать политических оппонентов, члены Гражданских ассамблей оказываются ориентированы на конструктивный диалог и поиск взвешенного консенсуса. Делиберативный процесс, подкрепленный экспертными оценками и модерлируемой дискуссией, позволяет преодолеть губительную поляризацию общества. Граждане с изначально противоположными взглядами, оказавшись за одним столом, начинают слышать аргументы друг друга, освобождаясь от навязанных пропагандой стереотипов. Случайный выбор депрофессионализирует политику в глубоком, благородном смысле этого слова,

превращая ее из арены гладиаторских боев за власть в пространство коллективного разума, ориентированного на благо всего полиса.

Развитие искусственного интеллекта, алгоритмического анализа больших данных и цифровой лингвистики представляет собой величайший цивилизационный вызов, уподобляемый двуликому Янусу. Одно лицо этого технологического божества обращено в сторону абсолютного контроля и установления идеальной цифровой патократии. Если эти мощнейшие инструменты окажутся монополизированы девиантным меньшинством или авторитарным государством, человечество столкнется с беспрецедентной формой тирании. Алгоритмы предиктивной аналитики позволят подавлять очаги когнитивного сопротивления еще на стадии их зарождения, а нейросетевые модели будут осуществлять персонализированное манипулирование поведением миллионов людей, создавая иллюзию свободы при полном отсутствии реального выбора. Это будет мир безупречного кибернетического гомеостаза, где сама возможность бунта окажется стертой из семантического кода цивилизации.

Однако второе лицо Януса указывает путь к обретению подлинного когнитивного суверенитета и расцвету демократического диалога. Те же самые технологии, будучи децентрализованными и переданными под контроль гражданского общества, могут стать непревзойденным щитом против манипуляций. Нейросетевые детекторы лжи и алгоритмы анализа Темной тетрады способны разоблачать деструктивных лидеров до того, как они успеют причинить вред обществу. Цифровые платформы делиберации, использующие жеребьевку, могут масштабировать принципы афинской демократии на уровень многомиллионных государств, позволяя гражданам вести аргументированный диалог без посредничества коррумпированных элит и ангажированных медиа. Технология здесь выступает не как господин, а как великий эгалитарный медиатор, очищающий каналы общественной коммуникации от шума, лжи и психопатического яда.

Конечный выбор между этими двумя сценариями не предопределен технологическим прогрессом как таковым; он полностью зависит от этической зрелости гражданского общества и его способности осознать глубину угрозы психопатогенеза. Если человечество продолжит пребывать в состоянии всесторонней слепоты, списывая трагедии истории на случайные политические флуктуации, оно неизбежно окажется в

технологическом рабстве у носителей Темной тетрады. Но если общество найдет в себе силы и начнет применять методы когнитивной гигиены, перенастроит свои институты на основе научных знаний о человеческой психике, оно сможет выстроить надежные контуры коллективной защиты. Исцеление социального организма — это не конечная точка покоя, а непрерывный, осознанный процесс поддержания гомеостаза, в котором каждый гражданин является активным созидателем общего ментального здоровья.

Психопатологический лидер органически не выносит критики, сомнений и объективного анализа фактов, воспринимая любые проявления независимой мысли как угрозу своей безопасности, что заставляет их целенаправленно уничтожать институты независимой прессы, социологического мониторинга, беспристрастной науки и свободных выборов. Лишившись этих жизненно важных сенсорных рецепторов, позволяющих государству своевременно корректировать свой курс в ответ на изменения реальности, патократия погружается в состояние информационного голодания и начинает принимать собственные пропагандистские иллюзии за объективное положение дел. Это неизбежно ведет к лавинообразному накоплению управленческих ошибок, катастрофическому падению компетентности кадров и, в конечном счете, к саморазрушению под тяжестью собственного безумия, когда принимаемые на высшем уровне решения полностью перестают соотноситься с физическими, экономическими и психологическими законами реальности. В этом контексте возвращение обществу когнитивного суверенитета и свободы совести выступает не просто как реализация отвлеченных гуманистических идеалов или юридических деклараций, но как фундаментальный биологический и эволюционный императив выживания человеческого вида.

Свобода мысли, вероисповедания и слова является главным эволюционным гарантом сохранения когнитивного разнообразия популяции, подобно тому, как биологический вид нуждается в генетическом многообразии для адаптации к меняющейся внешней среде. Когда патократия пытается монополизировать право на истину, навязывая обществу единую девиантную догму вроде квазинаучной деструктологии или агрессивного антикультизма, она фактически кастрирует интеллектуальный потенциал социума, лишая его способности к сложной адаптации. Восстановление свободы совести разрушает эту патологическую гомогенность,

возвращая индивиду право на самостоятельное конструирование своей ценностной картины мира без оглядки на цензуру декомпенсированных функционеров.

Преодоление многолетнего патократического гипноза требует от общества выхода из затяжного гистериодального цикла, характеризующегося перманентным состоянием выученной беспомощности и коллективной моральной паники. В условиях затаившегося социального психопатогенеза граждане привыкают к мысли, что они не способны повлиять на окружающий абсурд, и ищут спасения в психологическом укрытии, принимая бинарное расщепление реальности на своих и чужих. Эта черно-белая картина мира парализует способность к сложному синтезу и диалогу, делая исцеление макросоциума возможным лишь через последовательную реабилитацию критического мышления и деконструкцию навязанных страхов.

Общество должно осознать, что транслируемая сверху тревога является искусственным конструктом, предназначенным для отключения неокортекса и активации лимбических механизмов подчинения, и как только граждане возвращают себе способность видеть за величию государственных доктрин банальную динамику нелеченых расстройств личности их создателей, патократическое заклятие теряет свою суггестивную силу, уступая место спокойному, научно обоснованному стремлению к оздоровлению социальной среды. Веками человечество пыталось описывать диктаторов, тиранов и разрушителей государств в категориях метафизического зла, демонического величия или исторической неизбежности, однако подобный подход не только ненаучен, но и глубоко опасен, поскольку он невольно романтизирует девиацию, превращая ее в объект мистического трепета или эстетизации.

Стоит учесть и то, что, когда мы анатомируем патократию, препарируя клинические портреты тех, кто захватывает вершины власти, мы неизбежно совершаем одну и ту же психологическую ошибку. Нам приятно думать, что корень зла кроется исключительно в наличии злых «кукловодов» или в досадной поломке социальных лифтов, поднявших наверх очередного психопата. В этой картине мира мы — лишь невинные жертвы, заложники чужого безумия, ожидающие прихода праведных вождей или спасительного разрушения системы.

Настоящая сила патократии питается не гениальностью диктаторов и не эффективностью репрессивного аппарата. Она прорастает сквозь почву нашей собственной инертности, уступчивости и диффузии ответственности. Перекалывание вины на лидеров у руля — это форма коллективного психологического эскапизма. Это отказ от собственной субъектности, добровольное признание себя недееспособными детьми, которым нужен либо строгий отец, либо добрый опекун. Мы должны задать себе самый болезненный и самый важный вопрос: какие психологические механизмы заставляют миллионы здоровых людей изо дня в день соучаствовать в собственном порабощении, соглашаясь на ложь, транслируемую сверху, и предавая собственный этический компас?

Изначально обратимся к классическим исследованиям в области экспериментальной социальной психологии, которые с пугающей точностью воссоздают механику подавления критического мышления под давлением группы. В начале 1950-х годов американский психолог Соломон Аш провел серию экспериментов на конформизм, ставших одним из самых ярких и тревожных диагнозов человеческой природы. Представьте себе стандартную учебную аудиторию Swarthmore College. За столом сидят семь-восемь человек, перед которыми лежат карточки с линиями. Задача тривиальна до абсурда: на левой карточке изображена одна целевая линия, на правой — три другие, обозначенные буквами А, В и С. Испытуемому нужно просто сказать, какая из трех линий на правой карточке равна по длине целевой линии. Разница между линиями настолько очевидна, что в обычных условиях люди допускают ошибку менее чем в одном проценте случаев. Но в этом кабинете все, кроме одного человека, являются подставными актерами, получившими от Аша секретную инструкцию.

Настоящий испытуемый сидит в самом конце очереди, так, чтобы перед ним успели высказаться все остальные. В первых двух раундах актеры дают правильные ответы, и испытуемый чувствует себя спокойно. Но в третьем раунде начинается то, что Аш назвал «критическим испытанием». Первый актер уверенно указывает на линию, которая явно короче или длиннее целевой. Второй актер повторяет то же самое. Третий, четвертый, пятый... Все они с абсолютным спокойствием и уверенностью называют черное белым. Когда очередь доходит до реального испытуемого, он оказывается в ситуации жесточайшего когнитивного диссонанса. Его глаза, его зрительная кора, его

здравый смысл кричат о том, что группа не права. Но его социальный мозг испытывает колоссальное, почти физическое давление. Он слышит уверенные голоса сверстников, видит их спокойные лица и начинает сомневаться в собственном рассудке. Результаты эксперимента Аша оказались шокирующими: более 74% участников конформировали и согласились с очевидно неверным мнением большинства как минимум один раз. В среднем около трети всех ответов на критических этапах были конформистскими.

Когда Аш проводил послеэкспериментальные интервью, он обнаружил, что мотивы конформизма разделяются на три уровня. Лишь ничтожно малая часть испытуемых действительно испытала «искажение восприятия», то есть их мозг под давлением группы физически изменил зрительный сигнал, и они искренне поверили, что неверная линия равна целевой. Большинство же разделилось на тех, у кого произошло «искажение суждения» — они решили, что их собственные глаза их обманывают, а группа обладает неким скрытым знанием, — и тех, у кого случилось «искажение действия». Эти последние прекрасно видели истину, но сознательно предпочли солгать, лишь бы не выделяться из толпы, не испытывать страха социального отторжения и не казаться белыми воронами.

Этот эксперимент — не просто иллюстрация студенческой уступчивости. Это точная математическая модель того, как работает пропаганда и антикультовая паника на уровне целых наций. Когда патократические лидеры или ангажированные медиа начинают круглосуточно транслировать чудовищный абсурд — объявляя мирные философские течения «опасными сектами», а культурные метафоры «оправданием терроризма» — они создают для рядового гражданина ситуацию эксперимента Аша, масштабированную до размеров государства. Обыватель видит, что его коллеги, соседи, телевизионные эксперты и официальные лица в один голос твердят ложь. И даже если внутренний компас гражданина противится этому безумию, страх оказаться в изоляции, страх прослыть маргиналом или «врагом народа» заставляет его заткнуть рот собственной совести. Интеллектуальный конформизм медленно, но верно разрушает фундамент общества, превращая некогда критически мыслящих людей в ретрансляторов чужого бреда. Соломон Аш с горечью констатировал, что умные и благонамеренные молодые люди готовы называть черное белым, и это вызывает

глубокую тревогу за судьбы демократического общества, если оно окажется под контролем манипуляторов.

Однако конформизм — лишь первый рубеж обороны патократии. Вторым, не менее надежным бастионом, консервирующим несправедливость и насилие, является так называемый эффект свидетеля и феномен диффузии ответственности. Если эксперименты Аша объясняют, почему мы соглашаемся с ложью, то исследования Бибба Латэйна и Джона Дарли, проведенные в конце 1960-х годов, показывают, почему мы бездействуем, видя, как на наших глазах уничтожают других. Толчком к этим исследованиям стала трагическая гибель Китти Дженовезе в Нью-Йорке, когда десятки жителей соседних домов в течение получаса слышали крики жертвы, но никто из них не вмешался и даже не вызвал полицию вовремя. Латэйн и Дарли предположили, что это произошло не из-за пресловутого «городского равнодушия», а из-за специфической социальной динамики, возникающей в присутствии других людей.

В одном из своих самых известных экспериментов, получившем название «Комната, заполненная дымом», исследователи приглашали испытуемых заполнить анкету в кабинете. Через некоторое время через вентиляционную решетку в комнату начинал валить густой, едкий дым. Когда испытуемый находился в комнате один, он замечал дым почти мгновенно и в 75% случаев выходил из помещения, чтобы сообщить об опасности в течение первых шести минут. Но когда в комнате сидели трое испытуемых (или один реальный участник и двое подставных актеров, которые по инструкции игнорировали дым), поведение радикально менялось. В присутствии пассивных окружающих только 10% участников покинули комнату, чтобы сообщить о задымлении. Остальные продолжали сидеть в буквальном смысле в тумане, кашляя, протирая глаза и продолжая заполнять бумаги, готовые задохнуться, но не нарушить социальный этикет пассивности.

В другом эксперименте, «Приступ у соседа», участники общались друг с другом через наушники и микрофоны, находясь в изолированных кабинках, чтобы избежать визуального контакта. В процессе беседы один из участников (актер) имитировал сильный эпилептический приступ, умоляя о помощи. Когда испытуемый верил, что он — единственный, кто слышит крики о помощи, 85% из них немедленно выбегали из

кабинки, чтобы помочь человеку. Но когда испытуемый знал, что в дискуссии участвуют еще четыре человека, доля тех, кто попытался помочь, рухнула до 31%.

Этот феномен Латэйн и Дарли объяснили принципом диффузии ответственности. Когда человек оказывается единственным свидетелем беды, вся тяжесть морального выбора ложится на его плечи. Он понимает: если не он, то никто. Но стоит появиться толпе, как ответственность мгновенно делится на количество присутствующих. Каждый начинает думать: «Почему именно я? Здесь есть другие, более компетентные, пусть они сделают первый шаг. Наверняка кто-то уже вызвал помощь». В этот момент возникает еще один психологический парадокс — плюралистическое невежество. Люди смотрят друг на друга в поисках подсказки. Видя, что окружающие сохраняют внешнее спокойствие, каждый делает вывод, что ситуация не является критической, не понимая, что все остальные в этот же момент точно так же имитируют спокойствие, парализованные страхом оценки.

Диффузия ответственности — это идеальная питательная среда для сохранения авторитарных и патократических систем. Когда в обществе начинаются репрессии против несогласных, когда антикультистские активисты громят альтернативные школы или преследуют мирных верующих, обыватели не выходят на защиту. Они сидят в своих квартирах, наблюдая за происходящим сквозь экраны гаджетов, и думают: «Кто-то другой, более смелый, должен заявить протест. Я слишком слаб, у меня семья, да и все молчат — значит, так надо». Эта социальная парализация превращает некогда живое гражданское общество в бездыханную массу, позволяя патологическому меньшинству творить произвол при молчаливом непротивлении миллионов.

Долгое время в академической среде доминировало убеждение, что инертность человека и его неспособность к совместным действиям без внешнего принуждения — это непреложный закон природы. В 1968 году биолог Гаррет Хардин сформулировал знаменитую концепцию «Трагедии общин», которая стала теоретическим манифестом для сторонников жесткой государственной вертикали и тотальной приватизации. Хардин утверждал, что если предоставить группе людей общий ресурс — например, пастбище или лес, — то каждый индивид, руководствуясь исключительно рациональным эгоизмом, будет стремиться взять как можно больше, что неизбежно приведет к полному истощению и гибели этого ресурса. Отсюда делался мрачный

вывод: люди органически не способны к самоорганизации, и спасти их от саморазрушения может либо нещадный рынок с частной собственностью, либо монстр государственного принуждения. Этот миф, долгие годы служивший интеллектуальным оправданием для подавления низовых инициатив, был блестяще опровергнут исследованиями американского политэконома Элино́р Остро́м, удостоенной в 2009 году Нобелевской премии по экономике. Остром не стала строить абстрактные математические модели в тиши кабинетов; она отправилась в полевые исследования по всему миру, изучая, как реальные сообщества на протяжении веков управляли общими ресурсами.

Одним из ключевых объектов ее анализа стала швейцарская горная деревня Тёрбель. В этом суровом альпийском уголке крестьяне с XV века совместно управляют пастбищами и лесами. Остром обнаружила, что жители Тёрбеля без всякого вмешательства со стороны государства или частных корпораций выработали удивительно гибкую и устойчивую систему правил. Еще в 1517 году они записали золотое правило: «Ни один гражданин не может отправить на альпийские луга больше коров, чем он способен прокормить в своей собственной конюшне в течение зимы». Это простое экологическое ограничение, дополненное взаимным контролем и системой мягких штрафов, позволило деревне сохранить свои пастбища в идеальном состоянии на протяжении пяти столетий, избежав всякого намека на «трагедию общин».

Аналогичные результаты Остром обнаружила и на другом конце планеты — в Японии. В горных деревнях Хирано, Нагаикэ и Яманака общие леса и луга (так называемые земли *ириаи*) успешно управлялись коллективно на протяжении сотен лет. Общины устанавливали жесткие графики заготовки древесины, определяли зоны покоя для восстановления растительности и создавали отряды самообороны для защиты от браконьеров. Наказания за нарушения правил варьировались от порицания на сельском сходе до самого страшного наказания — временного исключения из общинной жизни.

Исследования Элино́р Остро́м доказали фундаментальную истину: человечество обладает колоссальным, эволюционно закрепленным потенциалом к сознательному коллективному сотрудничеству. Мы не являемся биологическими эгоистами, обреченными на взаимное уничтожение без окрика надсмотрщика. Но этот потенциал

раскрывается только тогда, когда люди преодолевают социальную инерцию и берут на себя прямую ответственность за то пространство, в котором они живут. Самоорганизация — это не абстрактная утопия, а конкретная социальная технология, требующая доверия, прозрачности правил и готовности каждого человека быть активным участником общего дела. Когда мы переносим эти выводы из области управления пастбищами в плоскость современного городского пространства и гражданского пробуждения, мы обнаруживаем живые примеры того, как преодоление конформизма и инерции способно творить настоящие социальные чудеса.

Одним из самых ярких и вдохновляющих примеров такого коллективного созидания является коммуна Мариналеда, расположенная в депрессивном сельскохозяйственном регионе Андалусия на юге Испании. В конце 1970-х годов, после падения диктатуры Франко, Мариналеда представляла собой печальное зрелище. Уровень безработицы достигал катастрофических 75%, люди голодали, а огромные плодородные земли вокруг принадлежали одному человеку — герцогу Инфантадо, который использовал их лишь частично, оставляя остальное пустовать ради забавы.

Казалось, город был обречен на медленное угасание и повальную эмиграцию. Но жители Мариналеды, вдохновленные школьным учителем истории Хуаном Мануэлем Санчесом Гордильо, приняли решение отказаться от роли пассивных жертв. Они начали то, что вошло в историю Испании под названием «La Lucha» — многолетнюю, упорную, солидарную борьбу за землю и достоинство. Они устраивали многодневные голодовки, оккупировали пустующие земли герцога, перекрывали дороги и объявляли всеобщие забастовки. В 1980 году более 700 жителей города одновременно объявили тринадцатидневную голодовку, требуя выделить им землю для работы. После двенадцати лет непрекращающегося давления региональное правительство сдалось.

В 1991 году 1200 гектаров земли усадьбы Эль-Умосо были экспроприированы у герцога и переданы в долгосрочное пользование общине Мариналеды. На этой земле жители создали сельскохозяйственный кооператив, который принципиально отказался от погони за максимальной прибылью в пользу создания рабочих мест. Вместо выращивания зерновых, требующих минимума ручного труда, они посадили трудоемкие культуры — артишоки, перец и оливки, построив собственный консервный завод. Сегодня в Мариналеде практически нет безработицы. Все работники кооператива

получают одинаковую зарплату — около 1200 евро в месяц за шестичасовой рабочий день, что существенно выше минимального оклада по стране.

Но самое поразительное заключается в том, что Мариналеда сумела решить жилищный вопрос. Житель города может построить себе дом по программе самостроительства (*autoconstrucción*). Муниципалитет бесплатно предоставляет землю, архитектурный проект и строительные материалы (за счет субсидий), а будущий жилец должен вложить свой собственный труд в строительство дома совместно с соседями. После завершения строительства семья выплачивает общине символические 15 евро в месяц. Многие либеральные критики пытаются списать успех Мариналеды на харизму ее многолетнего мэра Санчеса Гордильо. Но это глубокое заблуждение. Настоящий секрет коммуны кроется в том, что жители сумели построить экономику прямого участия.

Все ключевые решения — от распределения бюджета до утверждения планов застройки — принимаются на общих собраниях жителей (ассамблеях), где может выступить и проголосовать каждый. В городе нет полиции — её функции выполняет общественное мнение и взаимная ответственность. А благоустройство улиц, уборка мусора и ремонт общественных пространств осуществляются на добровольных воскресниках, которые жители любовно называют «красными воскресеньями». Мариналеда доказала: когда люди преодолевают инерцию и диффузию ответственности, они способны не просто выжить в условиях жесточайшего кризиса, но и построить общество солидарности, свободное от тирании капитала и патократических чиновников.

Еще одним масштабным подтверждением жизнеспособности прямой демократии стал опыт партисипаторного бюджетирования в бразильском мегаполисе Порту-Алегри, начатый в 1989 году. До этого момента город задыхался от коррупции, хаотичной застройки и чудовищного неравенства: в то время как богатые кварталы имели все блага цивилизации, миллионы жителей фавел были лишены элементарной канализации, чистой воды и школ. Пришедшая к власти левая коалиция решилась на радикальный эксперимент: она передала право распределения инвестиционной части городского бюджета в руки самих граждан. Была создана разветвленная сеть районных ассамблей, где жители окраин собирались вместе, чтобы обсудить насущные проблемы своих улиц.

На этих собраниях люди спорили, договаривались и расставляли приоритеты: что нужнее в этом году — проложить канализацию, построить школу или открыть медицинский пункт?

Результаты этой реформы превзошли все ожидания. В период с 1989 по 1997 год доля домохозяйств, имеющих доступ к чистой воде и канализации, выросла с 75% до 98%. Количество государственных школ увеличилось более чем в четыре раза, а бюджет, выделяемый на здравоохранение и образование, вырос с 13% до почти 40%. Но главным достижением стало не просто улучшение инфраструктуры. В Порту-Алегри сформировался совершенно новый тип гражданина. Люди, которые раньше чувствовали себя бесправными изгоями, увидели, что их голос имеет реальный вес, выраженный в асфальте на их улице и трубах под их домами.

Коррупционные схемы чиновников были разрушены, потому что деньги больше не распределялись в тишине кабинетов — каждый цент контролировался прозрачной цепочкой народных представителей. Когда же кризис приобретает общенациональный масштаб, способность общества к самоорганизации становится вопросом выживания всей государственной системы. Именно это произошло в Исландии в 2008 году, когда в результате мирового финансового шторма рухнули все три крупнейших коммерческих банка страны (Kaupthing, Landsbanki и Glitnir). Их совокупный долг в десять раз превышал ВВП крошечного островного государства. Страна оказалась на грани банкротства, национальная валюта обесценилась наполовину, инфляция и безработица взлетели до небес.

Традиционные элиты во главе с премьер-министром Гейром Хаарде планировали решить проблему классическим патократическим путем: спасти обанкротившихся банкиров за счет налогоплательщиков, взяв кабальные кредиты у МВФ и заставив каждую исландскую семью выплачивать чужие долги в течение десятилетий. Но исландцы отказались подчиниться этой логике. Осенью 2008 года началась «Революция кастрюль и сковородок». Тысячи людей ежедневно выходили к зданию парламента в Рейкьявике, вооружившись кухонной утварью, создавая оглушительный шум, парализующий работу чиновников. Они требовали не просто отставки правительства, а полного переосмысления правил игры.

Исландцы добились своего. Правительство ушло в отставку, а новые власти под давлением общества приняли беспрецедентные решения. Исландия отказалась спасать частные банки за счет граждан — они были национализированы и реструктурированы. Специальный прокурор провел расследование деятельности банкиров, в результате чего десятки топ-менеджеров и финансовых спекулянтов получили реальные тюремные сроки — уникальный случай в мировой истории после кризиса 2008 года. Но самым важным этапом исландского пробуждения стало создание народной конституции. Понимая, что старый основной закон, скопированный с датской конституции XIX века, не защищает общество от произвола элит, граждане решили написать новую конституцию сами. Был созван Национальный совет, состоящий из 950 случайно выбранных граждан, представлявших все слои общества. Затем путем всенародного голосования был избран Конституционный совет из 25 человек — обычных врачей, учителей, фермеров и художников, не принадлежавших ни к одной политической партии.

Совет работал в режиме абсолютной прозрачности, публикуя черновики статей в интернете и собирая тысячи предложений и правок от рядовых граждан. Новая конституция Исландии стала первым в истории документом такого уровня, созданным методом краудсорсинга. И хотя впоследствии традиционные политические партии сумели заблокировать формальное принятие этого документа в парламенте, исландский опыт навсегда вошел в историю как доказательство того, что общество способно осуществлять глубокое коллективное самопознание и брать в свои руки управление судьбой государства в моменты величайших кризисов.

Оглядывая этот исторический и психологический ландшафт, мы неизбежно приходим к глубокому философскому выводу. Общество — это не механическая сумма изолированных индивидов, не стадо, нуждающееся в пастухах, и не безликая масса, которой можно манипулировать бесконечно. Общество — это сложный, многоуровневый, живой гомеостатический организм. В этом организме каждый из нас — не пассивный зритель в ложе театра истории, а живая, активная клетка. Когда клетка живого организма становится инертной, когда она перестает выполнять свои функции, отключает каналы обратной связи и безвольно подчиняется сигналам дегенеративных соседей, весь организм заболевает.

Настоящее освобождение от тоталитарных и патократических систем никогда не приходит сверху. Оно начинается снизу — с тихой революции в сознании каждого конкретного человека. Оно начинается тогда, когда мы находим в себе мужество не согласиться с очевидной ложью на работе, в университете или в кругу друзей, преодолевая эксперимент Аша внутри себя. Оно начинается тогда, когда мы отказываемся проходить мимо чужой беды, разрушая ледяную стену диффузии ответственности. Оно начинается в тот момент, когда мы объединяемся с соседями, чтобы обустроить общий двор, создать независимый образовательный проект или защитить невинного от судебного произвола, воплощая в жизнь принципы Элинор Остром.

Преодоление внутреннего конформизма и осознание личной ответственности за состояние всего социального организма — это единственный надежный путь к исцелению общества. Только тогда, когда критическая масса граждан вернет себе когнитивный суверенитет и субъектность, социальный иммунитет восстановится, и любая патократическая система рухнет сама собой, лишившись своего главного строительного материала — нашего молчаливого согласия. Подлинная история человечества пишется не в тронных залах диктаторов, а в тишине нашего ежедневного этического выбора, где каждый из нас решает: быть пассивной жертвой или стать живой, ответственной и созидающей частицей свободного общества.

ИСТОЧНИКИ

1. ACT Files. (2024, December 20). Deprogramming, Ted Patrick: Exposing anti-cult terrorism. Retrieved May 27, 2026, from <https://actfiles.org/deprogramming/>
2. American Psychological Association, Board of Social and Ethical Responsibility for Psychology. (1987, May 11). Memorandum: Final report of the Task Force on Deceptive and Indirect Methods of Persuasion and Control (DIMPAC). CESNUR.
<https://www.cesnur.org/testi/APA.htm>
3. Beyer, T. Writers. In Russians in America: The Third Wave. Retrieved May 20, 2026, from <https://community.middlebury.edu/~beyer/ratw/writers.htm>
4. Birmingham, B. (2022, April 22). The man in the bubble. Scribd. Retrieved May 20, 2026, from <https://ru.scribd.com/document/678043007/Brian-Birmingham-The-Man-in-the-Bubble>
5. Cambridge College. Alumni. Retrieved May 27, 2026, from <https://www.cambridgecollege.edu/alumni>
6. Freedom of Mind Resource Center. Frequently asked questions (FAQ). Retrieved May 27, 2026, from <https://freedomofmind.com/resource-links/frequently-asked-questions-faq/>
7. Hancox, D. (2013, October 19). Spain's communist model village. The Observer.
<https://www.theguardian.com/world/2013/oct/20/marinaleda-spanish-communist-village-utopia>
8. Hassan, S. A. (2025, May 11). 49 years free from the Moonies! Substack.
<https://stevenhassan.substack.com/p/49-years-free-from-the-moonies>
9. Hassan, S. A. (2023, December 14). Steven Alan Hassan, PhD, MA, MEd, LMHC, NCC [Curriculum vitae]. PIPATL.
<http://www.pipatl.org/cv/CV%20Hassan%20FEBRUARY%202024%20.pdf>
10. Hassan, S. A. (2020). The BITE model of authoritarian control: Undue influence, thought reform, brainwashing, mind control, trafficking and the law [Doctoral dissertation, Fielding

Graduate University]. ProQuest Dissertations & Theses Global. Publication No. 28263630.
<https://www.proquest.com/docview/2476570146/>

11. Hinkle, L. E., Jr., & Wolff, H. G. (1956, April 2). Communist interrogation and indoctrination of “enemies of the state”: Analysis of methods used by the Communist state police [Special report]. Central Intelligence Agency.

<https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP65-00756R000400020008-8.pdf>

12. Introvigne, M. (2026, March 9). The truth, please, about Steven Hassan. 3. Is he really an «expert»? Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/the-truth-please-about-steven-hassan-3-is-he-really-an-expert/>

13. Introvigne, M. (2026, April 7). «Brainwashing», Steven Hassan, and the OneTaste case. 1. Weaponizing anti-trafficking laws. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/brainwashing-steven-hassanand-the-onetaste-case-1-weaponizing-anti-trafficking-laws/>

14. Introvigne, M. (2026). Steven Hassan and the «BITE Model»: Science or pseudoscience? The Journal of CESNUR, 10(2), 86–101. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cesnur.net/wp-content/uploads/2026/03/tjoc_10_2_2_introvigne.pdf

15. Kassin, S. (2015, June 13). The psychology of false confessions. Scientific American. <https://www.scientificamerican.com/article/the-psychology-of-false-confessions/>

16. Łobaczewski, A. M. (2006). Political ponerology: A science on the nature of evil adjusted for political purposes. Red Pill Press.
https://openlibrary.org/books/OL26343527M/Political_Ponerology

17. Massachusetts Board of Registration of Allied Mental Health and Human Services Professions. (n.d.). Board of Registration of Allied Mental Health and Human Services Professions. Mass.gov. Retrieved May 27, 2026, from <https://www.mass.gov/orgs/board-of-registration-of-allied-mental-health-and-human-services-professions>

18. Myznikov, A., Korotkov, A., Zheltyakova, M., Kiselev, V., Masharipov, R., Bursov, K., Yagmurov, O., Votinov, M., Cherednichenko, D., Didur, M., & Kireev, M. (2024). Dark triad personality traits are associated with decreased grey matter volumes in “social brain” structures. *Frontiers in Psychology*, 14, Article 1326946.

19. Ranbom, S. (1982, November 3). The shadowy empires that beckon the young. Education Week. <https://www.edweek.org/education/the-shadowy-empires-that-beckon-the-young/1982/11>
20. Reddit. (2024, August 1). How the Moonies successfully recruited Steven Hassan [Online forum post]. r/cults. https://www.reddit.com/r/cults/comments/1ehp2ma/how_the_moonies_successfully_recruited_steven/
21. Religious Freedom Watch. (2014). Сектовед №1 — давний клиент мозговедов. Internet Archive. Retrieved May 27, 2026, from <https://web.archive.org/web/20161027234023/http://religiousfreedomwatch-ru.org/religious-extremists/alexander-dvorkin/sdkm>
22. Robbins, T. (2000). "Quo vadis" the scientific study of new religious movements? Journal for the Scientific Study of Religion, 39(4), 515–523. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x>
23. Rosenberg, L. Lina Rosenberg — Aunt. In Reflections. Retrieved May 27, 2026, from <http://bar-yam.org/aureet/Reflections/Relatives/linaRosenberg.html>
24. Ross, R. A. (2017, March 8). Serious complaints about cult specialist Steven Hassan. Cult News. <https://cultnews.com/2017/03/serious-complaints-about-cult-specialist-steven-hassan/>
25. Shupe, A. D., & Darnell, S. E. (2024, June 25). CAN: Anti-cultists, deprogramming, and crime. 7. Sexual abuse as a deprogramming tool. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-7-sexual-abuse-as-a-deprogramming-tool/>
26. STAND League. Steven Hassan. Retrieved May 20, 2026, from <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/steven-hassan.html>
27. United States v. Fishman, 743 F. Supp. 713 (N.D. Cal. 1990). <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/743/713/2593631/>
28. Wikipedia. QAnon. In Wikipedia. Retrieved May 20, 2026, from <https://ru.wikipedia.org/wiki/QAnon>

29. Wright, S. A. (2009). Reframing religious violence after 9/11: Analysis of the ACM campaign to exploit the threat of terrorism. *Nova Religio*, 12(4), 5–27.
<https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/12/4/5/70176/Reframing-Religious-Violence-after-9-11-Analysis?redirectedFrom=fulltext>
30. Young, K. A., Gobrogge, K. L., Liu, Y., & Wang, Z. (2008). The neurobiology of social attachment: A comparative approach to behavioral, neuroanatomical, and neurochemical studies. *Comparative Biochemistry and Physiology Part C: Toxicology & Pharmacology*, 148(4), 401–410.
<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S153204560800032X?via%3DiHub>
31. Zablocki, B. (1997). The blacklisting of a concept: The strange history of the brainwashing conjecture in the sociology of religion. *Nova Religio*, 1(1), 96–121.
<https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/1/1/96/66615/THE-BLACKLISTING-OF-A-CONCEPT-THE-STRANGE-HISTORY?redirectedFrom=fulltext>
32. Дворкин, А. Л. (2013). *Моя Америка: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и двумя эпилогами*. Христианская библиотека.
33. Голубев, С. (2018, 13 июня). Герой веры из посольства Иисуса. Как «пакет Яровой» сделал из зимбабвийской протестантки злостную нарушительницу КоАП. Медиазона.
<https://zona.media/article/2018/06/13/kudzay>
34. История Александра Дворкина: Хронология и факты из психиатрических учреждений. Internet Archive. Retrieved May 27, 2026, from
<https://web.archive.org/web/20161013151516/http://alexanderdvorkin.info/?page=history>